

М. В. МУРАТОВ

◆
ПЕРВЫЕ
РАЗВЕДЧИКИ
ВЕЛИКОГО
ПУТИ

ДЕТГИЗ

М. В. МУРАТОВ

ПЕРВЫЕ
РАЗВЕДЧИКИ
ВЕЛИКОГО
ПУТИ.

Пев. Обл. Б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

Государственное Издательство Детской Литературы
НКП РСФСР
Москва 1943 Ленинград

51666

91
M 91

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. В поисках новых морских путей	3
Глава II. В адмиралтейств-коллегии	14
Глава III. К устью реки Оби	23
Глава IV. Лейтенант Овцын	37
Глава V. Навстречу смерти	57
Глава VI. Путешествие лейтенанта Харитона Лаптева	66
Глава VII. Лейтенант Дмитрий Лаптев	83

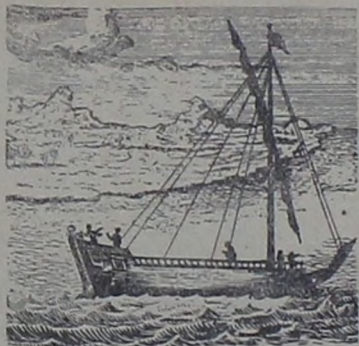
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Л. Пекуровская*.

Подписано к печати 13/IV 1943 г. 6^{1/2} печ. л. (5,65 уч.-изд. л.), 37 432 зн. в печ. л.

Тираж 20 000 экз. Л30206. Заказ № 2828. Цена 3 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР, Москва, Сушевский вал, 49.

ГЛАВА I

В ПОИСКАХ НОВЫХ МОРСКИХ ПУТЕЙ

В августе 1553 года вблизи устья Северной Двины рыбаки ловили рыбу. Они выплыли в море на лодке и ставили сети.

Вдруг один из рыбаков посмотрел вдаль и от удивления позабыл опустить в воду конец сети, которую держал в руке: вдалеке ясно вырисовывался корабль, шедший на парусах.

Русские, жившие у берегов Белого моря, в то время еще не видали настоящих кораблей. И теперь, глядя на незнакомое судно, рыбаки с недоумением переговаривались между собой.

Ветер дул с моря, и судно быстро приближалось к берегу. Потом оно остановилось. Рыбаки догадались, что корабль стал на якорь, опасаясь подойти близко к берегу, чтобы не попасть на мелкое место.

Теперь судно можно было хорошо рассмотреть. У него был причудливо изогнутый нос и корма, украшенная резьбой. Если бы рыбаки знали латинскую азбуку, они могли бы прочесть и надпись на корме:

«Edward Bonaventure». Это значило: «Эдуард, удачное предприятие».

С корабля спустили шлюпку. Рыбаки испугались: подумали, что неизвестные люди хотят их захватить.

Они стали торопливо выбирать сети. Потом налегли на весла, стараясь поскорее добраться до берега. Но небольшая легкая шлюпка скоро догнала неуклюжую рыбацью лодку.

В шлюпке, кроме гребцов, сидел человек в суконном синем камзоле и черной шляпе. Когда шлюпка приблизилась к рыбацкой лодке, он поднялся во весь рост и, приветливо махая шляпой, знаками предложил остановиться.

Рыбаки подчинились. Сняв шапки, они низко поклонились иноземцам.

Люди в шлюпке говорили на непонятном языке. Человек в синем камзоле дружелюбно похлопывал рыбаков по плечу и знаками звал их на свой корабль. Рыбаки перестали бояться. И когда наконец их отпустили, они дружески простились с иноземцами.

Рыбацкая лодка пристала к берегу, а корабль остался стоять на якоре. Иноземцы, повидимому, не собирались скоро уходить.

Один из рыбаков поспешил в ближайший город Холмогоры к воеводе с донесением. Из Холмогор немедленно послали людей, чтобы выяснить, откуда явились иноземцы и что им нужно.

Иноземцы приняли гостей приветливо и почтительно. Человек в синем камзоле расспрашивал у холмогорцев, какого они государства подданные и кто их государь. Ему ответили, что он приехал в Русскую землю, которой правит царь Иван Васильевич. О себе иноземец сказал, что он прислан послом от английского короля, и назвал свое имя: Ричард Ченслор.

Гости и хозяева говорили на разных языках, но каким-то образом в конце концов поняли друг друга.

Ричард Ченслор попросил холмогорцев прислать ему съестные припасы. В обмен он предлагал им разные товары. В конце разговора он сказал, что хочет поехать в Москву как посол английского короля.

Холмогорцы согласились прислать провиант. Однако начать торговлю они не решались. А на вопрос о поездке в столицу отвечали уклончиво: отправить иноземца в Москву без царского указа они не смели.

Из Холмогор послали гонца в Москву с запросом, как поступить с иноземцами. Ричард Ченслор долго ждал ответа. Тем временем подошла зима. Англичане перебрались в Холмогоры. Только в ноябре пришел ответ: царь приказал отправить Ченслора в Москву с почетом.

Встреча голландцев с русскими в Ледовитом океане. (С гравюры XVI века.)

Иван Грозный сам принял Ченслора. На приеме Ченслор сказал, что английский король уже давно хочет завести торговые сношения с Московским государством.

Царь отнесся к просьбе Ченслора милостиво.

«Королевского посла Рыцарта и гостей английския земли пожаловал, в свое государство российское с торгом им велел ходить безопасно», записал летописец царский указ.

Весной Ченслор ушел на корабле в Англию очень довольный: англичанам дано было право беспошлинно торговать с русскими.

А через несколько месяцев холмогорский воевода получил страшное известие. С Кольского полуострова приехали люди и рассказали:

— Нашли мы на море близ устья реки Варзины два судна. Стоят на якорях, а люди на них все мертвые.

Воевода немедленно послал осмотреть корабли.

Когда холмогорцы приехали к устью реки Варзины, впа-

дающей в Нокуевскую губу, они увидели недалеко от берега корабли, очень похожие на судно Ченслора.

В каютах они нашли окоченевшие тела людей, так же одетых, как Ченслор и его спутники. Люди лежали, натянув на себя все свои одежды, закутавшись в одеяла и дорогие цветные сукна, которые, повидимому, везли для продажи.

На корабле были разные товары: ткани, чулки, шляпы, оловянная посуда, ножи, замки, зеркала, иголки и даже бархатные туфли и шитые шелком карманные платки.

Холмогорцы могли подумать, что эти люди, так же как и Ченслор, плыли из Англии, чтобы завести торговлю с Московским государством.

На самом деле ни Ченслор, ни люди, замерзшие в Нокуевской губе, отплывая из Англии, не думали, что попадут в Московское государство. Они пытались пройти северо-восточным морским путем вдоль берегов Ледовитого океана до китайской земли.

В это время в Англии скопилось много товаров. Сбыть излишние товары было некуда. А между тем английские купцы видели, что испанцы, открывшие Америку, и португальцы, торговавшие с Индией, быстро разбогатели. И англичане стали думать о том, как бы найти новые рынки и открыть торговые пути, неизвестные другим.

Англичане знали, что на востоке лежит большая и богатая страна Китай. Им очень хотелось найти такой морской путь в Китай и Индию, на котором они могли бы не сталкиваться с испанцами и португальцами.

В то время в Лондоне жил знаменитый мореплаватель и географ Себастиан Кабот. В дни юности он совершил вместе с своим отцом Джоном Каботом плавание к неизвестным еще берегам Северной Америки. Потом он сам во главе эскадры из пяти кораблей отправился к Северной Америке и одним из первых посетил остров Ньюфаундленд.

Но особенно прославился Себастиан Кабот своими открытиями в Южной Америке. Там он обследовал реки Уругвай и Парагвай и впервые побывал в тех местах, где впоследствии была основана республика Аргентина.

Вернувшись в Англию, Себастиан Кабот вместе с лондонскими купцами организовал «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран и земель, неведомых и доселе морским путем не посещаемых».

Себастиан Кабот пришел к убеждению, что кратчайший

Sebastian Cabot

путь из Европы в Китай надо искать вдоль европейских и азиатских берегов Северного Ледовитого океана.

Он сам был уже слишком стар, чтобы отправиться в это плавание: в 1553 году ему исполнилось семьдесят девять лет.

Но он убедил Общество купцов-предпринимателей послать корабли, которые должны были пройти северо-восточным морским путем в Китай, а оттуда в Индию. Насколько длинен и опасен этот путь, не знал никто. Говорили, будто за устьем Оби находится большой полуостров и, как только корабли обогнут его, они попадут в Китай.

Английские купцы решили отправить северо-восточным путем три корабля: «*Vona Speranza*» («Добрая надежда»), «*Vona Confidentia*» («Доброе доверие»), «*Edward Bonaventure*» («Эдуард, удачное предприятие»).

Начальником экспедиции назначили Хью Виллоуби; он должен был плыть на корабле «Добрая надежда». Ричарда Ченслора, капитана корабля «Эдуард, удачное предприятие», выбрали главным штурманом.

— Это начинание, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, которую восточная и западная Индия принесли императору Карлу Пятому и королю Португалии, — говорили английские купцы, отправляя экспедицию.

В мае 1553 года эскадра вышла в плавание. Но вблизи северного побережья Скандинавского полуострова сильная буря унесла корабли в разные стороны.

За несколько часов перед бурей адмирал Виллоуби поднял высоко флаг на мачте своего корабля «Добрая надежда», созывая капитанов и штурманов других кораблей на совет.

На совете адмирал сказал:

— Если буря разбросает наши корабли в разные стороны, каждый корабль должен стараться дойти до норвежской гавани Вардехус. Корабль, который придет туда раньше других, должен ждать там остальные корабли.

Все одобрили это предложение.

«Эдуард, удачное предприятие» благополучно дошел до гавани Вардехус. Шесть дней ждал он здесь другие корабли. Но они не пришли. Тогда Ченслор решил продолжить плавание один.

Он обогнул Скандинавский полуостров, стараясь не терять из виду берег. В конце августа он вошел в большой залив,

Адмирал Виллоуби.

в который впадала широкая река. Подойдя ближе, он увидел лодку с русскими рыбаками.

Приближалась осень, и уже было ясно, что до зимы не удастся достигнуть китайской земли. Попав в Русское государство, Ченслор решил, что надо завязать торговые сношения хотя бы с русскими. Он выдал себя за королевского посла, зная, что на родине одобрят его действия, если они будут успешны.

На следующий год он вернулся в Англию со славой. Благодаря Ченслору англичане начали прибыльную торговлю с русскими.

А другие два корабля не сумели найти гавань Вардехус. Они встретились в море и поплыли на восток.

В середине августа с корабля Виллоуби увидели неизвестную землю. На берегу ее не было видно жилья. Подойти близко к берегу не удалось: помешали льды и мелководье. Повидимому, это была Новая Земля.

Виллоуби пошел к северу вдоль берегов неизвестной земли. Но вскоре в адмиральском корабле «Добрая надежда» открылась течь. Корабли Виллоуби повернули назад и взяли курс на запад.

18 сентября они вошли в большой залив у берега Кольского полуострова. Адмирал послал матросов осмотреть берег. Они бродили по берегу несколько дней, но людей не нашли.

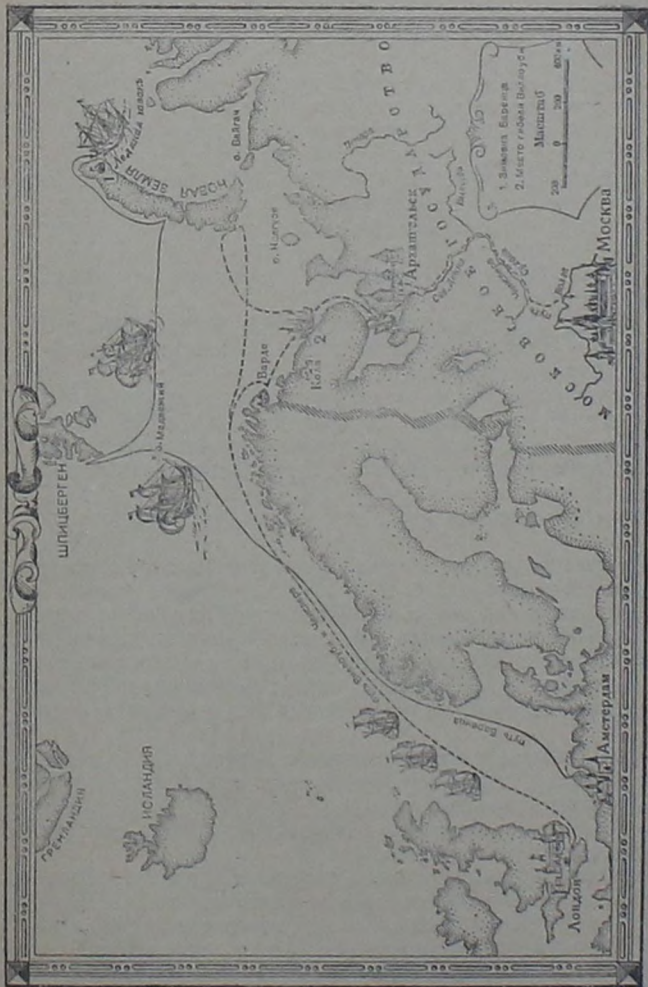
Между тем установилась плохая погода; шел снег, началась холодная зима. Виллоуби решил здесь зазимовать.

Когда экспедиция отправлялась в плавание, позаботились о том, чтобы лучше сохранить корабли. Англичане слышали, что в южных морях водятся черви, которые портят деревянную обшивку корабля. И дно каждого корабля было обшито свинцовыми листами, чтобы судно не пострадало от червей во время плавания у берегов Китая и Индии.

Но к зимовке на севере экспедиция не была подготовлена. Зимой погиб и сам адмирал Виллоуби и вся команда его кораблей.

Так кончилась первая попытка открыть северо-восточный морской путь.

Англичане сделали еще две попытки — в 1556 и 1580 годах. Английские моряки дошли до берегов Новой Земли и острова Вайгач. Они видели Карское море, покрытое льдами.

Карта плаваний Виллоуби и Баренца.

И, убедившись, что не смогут бороться с ними, вернулись назад.

Затем попытались пройти северо-восточным морским путем голландцы. Голландия, так же как и Англия, имела много кораблей и вела морскую торговлю. Испанцы и португальцы, хозяйничавшие на южных морях, мешали ее торговле.

Голландские купцы и мореплаватели задумали открыть северо-восточный морской путь в Китай.

Три года подряд — в 1594, 1595 и 1596 годах — выходили в плавание голландские корабли. Во всех трех экспедициях участвовал Виллем Баренц, смелый и искусный мореплаватель.

И теперь обычно эти экспедиции называют его именем: плавание Баренца.

Голландцы сделали важные открытия. Они первые нанесли на карту остров Шпицберген. Баренц описал западный и северный берега Новой Земли.

Во время третьего плавания Баренц с командой своего корабля остался на зимовку в Ледяной гавани на Новой Земле. Сам Баренц умер, его спутники вернулись на родину.

Голландцам удалось войти в Карское море, но дойти до Обской губы они не смогли.

Спутник Баренца, де-Феер, вернувшись в Голландию, говорил:

— Пусть глупцы, насмешники и клеветники, судя по началу, признают бесплодной ту попытку, которая только в конце дает полезный результат. Ведь если бы славные мореплаватели — Колумб, Кортес, Магеллан и многие другие, — открывшие самые дальние страны и царства, оставили свои намерения после первой, второй и третьей неудачных попыток, впоследствии они никогда не достигли бы результата своих трудов.

Де-Феер написал книгу о плаваниях Баренца. Голландцы с интересом читали эту книгу, но больше не пытались найти северо-восточный морской путь.

Англичане стали ежегодно посылать корабли с товарами для Московского государства.

Голландские промышленники, отправляясь по пути Баренца, добывали тюленей и моржей и били китов у берегов Шпицбергена и Новой Земли. Для торговли с ненцами, у которых можно было выгодно выменять меха, иностранные корабли заходили иногда в Карское море. Но пройти морем

Карта северо-восточного морского пути. 1610 год

Заштрихованная часть — море. Предполагаемый путь от Голландии до Китая (China) намечен кривой линией. Остров севернее этой линии — Шпицберген. Остров южнее линии — Новая Земля. Восточнее устья Оби расположен большой полуостров, за которым идет «море Скифское и Тартарийское», ведущее в Китай.

вдоль берегов Ледовитого океана, мимо устья Оби, на восток англичане и голландцы уже не надеялись.

До Оби доходили, однако, поморы (так называли русских, живших по берегам Белого моря). На своих кочах они

плыли месяца два от Архангельска до берегов полуострова Ямала. Плавание было трудное, и не все возвращались домой. Многие гибли в пути. Об одном из таких плаваний, которое предприняли поморы вместе с московским купцом Лукой в конце XVI века, сохранилось известие:

«Ходил москвитин гость Лука с товарищи проведовать Обского устья тремя кочи. И те люди с великие нужи примерли, и осталось тех людей всего четыре человека».

Но и при благополучном плавании поморы обычно не огибали полуостров Ямал, хотя, повидимому, среди них были люди, знавшие этот путь. Почти всегда поморы не обходили полуостров, а перебирались через него. Они доплывали до устья реки Мутной и вводили в нее свои кочи. Дальше плыли сперва вверх по этой реке, потом по озерам, наконец по реке Зеленой, которая течет в Обскую губу. Местами приходилось перетаскивать лодки по суше.

Таким образом поморы пересекали полуостров Ямал и попадали в Обскую губу.

Прошло сто восемьдесят лет с тех пор, как Виллоуби впервые попытался пройти вдоль европейских и азиатских берегов Ледовитого океана. Снова была предпринята экспедиция, чтобы обследовать великий морской путь. На этот раз вышли в плавание не англичане и не голландцы, а русские.

Теперь мореплаватели уже знали, что нельзя без предварительных исследований пройти вдоль северных берегов Европейской России и Сибири. Они хотели изучить великий северный морской путь по частям и были готовы провести многие годы в борьбе со льдами.

ГЛАВА II

В АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ

В начале 1730 года в Петербург вернулся капитан Витус Беринг, руководивший Камчатской экспедицией. Он пробыл в Сибири пять лет.

До этого путешествия даже самые выдающиеся европейские ученые не знали, есть ли пролив между Азией и Америкой.

Вопрос этот интересовал не только географов.

Если бы оказалось, что между Азией и Америкой нет пролива, то пришлось бы отказаться от мысли пройти северовосточным морским путем из Европы в Китай. Было бы до-

казано, что Виллоуби, Баренц и другие мореплаватели напрасно надеялись обогнуть морем северо-восточный угол Азии.

Знаменитый ученый Лейбниц, переписываясь с Петром Первым, советовал ему послать в Сибирь экспедицию для выяснения этого вопроса.

Незадолго до своей смерти Петр Первый приказал построить корабль в Охотске или на Камчатке и отправить его в плавание на север, чтобы узнать, сходятся ли берега Азии и Америки.

Начальником экспедиции назначили капитана Беринга.

До этого назначения Беринг двадцать лет плавал по Балтийскому морю. Но пять лет, которые ему пришлось провести в Сибири, оказались труднее, чем предыдущие двадцать лет службы в российском флоте.

Обоз экспедиции выехал в январе 1725 года. Почти два года ушло на то, чтобы перевезти из Петербурга в маленький Охотск все нужное для постройки корабля.

Тяжело нагруженные сани медленно тащились по узкой ухабистой дороге между высокими сосновыми лесами. Летом неуклюжие большие лодки — дощеники — везли грузы экспедиции по многоводным сибирским рекам.

Изредка встречались бревенчатые города и сибирские крепости — остроги, обнесенные высоким частоколом с деревянными башнями по углам.

Из Якутска в Охотск тысячу верст везли поклажу на вьючных лошадях по едва проходимой тропе.

В Охотске Беринг построил судно и переплыл через Охотское море на Камчатку. Потом переправляли грузы на восточный берег Камчатки по рекам на узеньких камчадалских лодках и по суше — на собаках. Берингу не раз приходилось ночевать в снегах и в дымных подземных жилищах камчадалов.

Наконец в 1728 году небольшой бот «Гавриил», построенный на Камчатке, вышел в плавание по Тихому океану. Полтора месяца плыли к северу мимо голых берегов малонаселенной земли. Только раз за это время встретили местных жителей: с берега Чукотского полуострова приплыли на корабль чукчи.

В море, казалось, было больше жизни, чем на земле. Спалубы бота моряки видели фонтаны, которые выбрасывали

киты; круглые головы тюленей то и дело высывались из воды почти около самого корабля.

Корабль Беринга благополучно прошел вдоль восточного берега Чукотского полуострова. Потом берег круто повернул на запад. Впереди, насколько хватало зрение, была видна чистая вода.

Беринг понял, что ему удалось дойти до Ледовитого океана.

Вопрос о существовании пролива между Азией и Америкой был решен.

Но экспедиция должна была не только выяснить, можно ли пройти на корабле между Азией и Америкой: Петр Первый хотел, чтобы Беринг дошел до Америки и завязал торговлю с американцами.

Когда Беринг шел проливом между Азией и Америкой, он был в нескольких десятках километров от американского берега, но не знал об этом.

Впрочем, если бы Беринг и установил, что Америка находится близко от Чукотской земли, нельзя было думать о торговле этим путем. В пустынном и малодоступном Чукотском крае жили воинственные чукчи. Русские купцы не могли безопасно проезжать через их землю.

Важнее было узнать, далеко ли Америка от Камчатской земли. На Камчатке сибирские казаки уже построили свои крепости — остроги. Сюда приезжали охотники и купцы.

В сентябре 1728 года Беринг вернулся на Камчатку. Следующим летом он снова вышел в плавание. На этот раз он направил свой бот от Камчатки прямо на восток. Беринг думал, что скоро увидит Америку. Но погода стояла плохая, не было попутного ветра, все время шли в густом тумане.

Беринг торопился, потому что должен был в конце лета выехать в Петербург. И ему снова пришлось вернуться назад, не дойдя до Америки.

«Надобно нарочито послать с Камчатки корабль, дабы проведать американский берег», решил Беринг.

Возвратившись в Петербург, Беринг начал составлять рапорт о своей экспедиции.

«Какую пользу принесла экспедиция? Что надо делать дальше?» спрашивал себя Беринг.

Удалось установить, что между Азией и Америкой есть пролив. Но ограничиться этим значило остановиться на половине пути. Невольно возникал вопрос: можно ли дойти до

этого пролива морским путем вдоль северных берегов Европейской России и Сибири?

Баренц не смог пройти дальше Карского моря. Но со времени Баренца наука мореплавания ушла вперед. Корабли стали более пригодны для дальнего плавания. Не пора ли снарядить экспедицию, чтобы обследовать путь от одного из важнейших российских портов, Архангельска, до пролива между Азией и Америкой?

С Камчатки надо было послать другой корабль, который мог бы пробыть в плавании столько, сколько будет нужно. Капитан этого корабля должен был выяснить, можно ли завязать торговлю с Америкой.

К югу от Камчатки лежала еще одна страна, о которой в то время знали очень мало, — Япония. Следовало отправить корабль и к Японским островам.

Так мало-помалу у Беринга сложился план второй экспедиции, еще более значительной, чем первая.

Новая экспедиция, по мысли Беринга, должна была решить две задачи, в сущности не связанные между собой. Одним кораблям предстояло обследовать путь вдоль берегов Северного Ледовитого океана; другие корабли должны были плыть по Тихому океану — к Америке и к Японии.

В апреле 1730 года Беринг составил план экспедиции и подал его в адмиралтейств-коллегию, управлявшую российским флотом.

Два года обсуждалось предложение Беринга в адмиралтейств-коллегии, в Академии наук и в сенате.

Адмиралтейств-коллегия состояла в то время из моряков, которые большую часть своей службы провели при Петре Первом. Почти все они прошли суровую школу: начали с низших должностей и долго плавали на кораблях, прежде чем дослужились до адмиральского или капитан-командорского чина.

Они не боялись новых проектов и предложение Беринга встретили сочувственно.

— Голландцы многие морские карты собрали и издали «Зеефакел», или «Светильник моря». И хотя оный светильник и не весьма ясно светит, но без него мореплаватели и вовсе в совершенных потемках плавали бы. А у нас не токмо сибирские моря, но и Белое море почти не описано, — говорили в адмиралтейств-коллегии.

Беринг предлагал обследовать северный морской путь по

частям. Одно судно нужно было отправить из Архангельска до Енисея. В то же время другое судно должно было выйти из устья Енисея и дойти до Лены. Кроме того, Беринг предлагал отправить из Охотска или с Камчатки два судна: одно на восток, к Америке, а другое на юг, к берегам Японии.

В адмиралтейств-коллегии согласились с Берингом, но наши, что два корабля не справятся с таким огромным делом.

— Надобно думать, что в плавании сем великие препятствия ото льдов встретятся. Мыслимо ли, чтобы два корабля прошли благополучно и описали весь путь от Архангельска до Лены?

Решено было, что два судна пройдут путь от Архангельска до устья Оби.

Одно судно должно было выйти из устья Оби и дойти до Енисея. Описав морской путь между Обью и Енисеем, оно могло пройти далее, до реки Хатанги.

Два судна решили отправить из устья Лены: одно на запад, до Енисея, другое на восток, чтобы обследовать путь от устья Лены до пролива, разделяющего Азию и Америку. Затем это судно должно было направиться к устью реки Анадырь.

Число кораблей, которые отправлялись к берегам Америки и Японии, тоже решили значительно увеличить.

Такая большая экспедиция должна была дорого стоить государству. Дело перешло в сенат, который в то время обсуждал все важные государственные вопросы и утверждал новые расходы. «Экспедиция трудная и никогда прежде небывалая», говорили в сенате.

Но в случае успеха это дело сулило большие выгоды государству. Проложив путь в Америку, можно было завести с ней торговлю. Могло увеличиться поступление сибирской пушнины в государственную казну. На севере и северо-востоке Сибири кочевали народы, платившие государству подать дорогими мехами.

«Скуден и нищетою одержим сей народ, но ясак или дани их дражайшие. Труды их и промыслы премногие богатства в казну царскую собирают», говорилось о сибирских остяках в одной книге, написанной в царствование Петра Первого.

— Ежели сия экспедиция откроет новые пути к сибирским кочующим народам, то немалую пользу принесет государству, — рассуждали сенаторы.

Корабли экспедиции должны были пройти вдоль сибир-

ских берегов Ледовитого океана. Места эти были совсем неизвестны. В сенате полагали, что там могут оказаться ценные руды. Сенат потребовал, чтобы к экспедиции были прикомандированы рудознатцы.

В апреле 1732 года секретарь сената приготовил указ, написанный от имени императрицы.

На российском престоле в это время сидела Анна Иоанновна. Это была неумная и грубая женщина, которая мало думала о государственных делах. Указ о посылке экспедиции она подписала не читая.

Теперь адмиралтейств-коллегия должна была заняться подготовкой экспедиции.

Это было очень большое, сложное и хлопотливое дело. Но член коллегии вице-адмирал Головин охотно и усердно ему содействовал.

Николай Федорович Головин во многом похаживал на других сановников того времени. Так же как и они, Головин выпрашивал имения у императрицы и заискивал перед ее любимцем, обер-камергером Бироном.

Но, в отличие от многих сановников, он был образован. Николай Головин был сын одного из ближайших сотрудников Петра Первого, генерал-адмирала Федора Головина, получившего графский титул за свои заслуги. По приказу Петра, Федор Головин отдал своего сына учиться в школу математических и навигационных наук. Потом царь послал юношу за границу.

— Учись практике морского хождения, — сказал ему Петр перед отъездом.

Молодой Головин отправился в столицу Голландии, Амстердам. По просьбе русского посла, его приняли для обучения в голландский флот. Он служил на голландских кораблях, плававших по Остзее. Потом уехал в Англию. На английском военном корабле он ходил в Португалию. Затем полтора года плавал по Средиземному морю, побывав в Смирне, у берегов Египта и на Кипре.

Когда Головин вернулся наконец в Россию, его назначили лейтенантом в Балтийский флот.

Через десять лет он был уже контр-адмиралом, или шаубенахтом, как тогда говорили.

Когда в адмиралтейств-коллегии обсуждался вопрос о посылке экспедиции, Головин сказал:

— Экспедиция сия, можно сказать, на две части делится.

Одним кораблям надлежит пройти подле берегов Холодного океана. Польза сего вояжа бесспорна. Другие корабли требуется построить в Охотске либо на Камчатке, дабы отправить к Америке и Японии. Для них надобно будет с превеликим трудом и много времени тащить через всю Сибирь материалы, орудия и такелаж в Охотск либо на Камчатку. А нельзя ли сии последние корабли здесь построить, снарядить и отправить кругом Африки, мимо Индии и Китая в Охотский порт? А оттуда плыть в Америку и Японию.

Это было неслыханное по своей смелости предложение: российские корабли дальше европейских портов обычно не ходили.

— Несбыточное это дело, — возражали Головину другие члены коллегии.

— Ежели угодно будет мое предложение принять, я сам готов корабли вести, — отвечал Головин.

Однако адмиралтейств-коллегия не решилась дать согласие на такое опасное плавание вокруг Африки.

Только через семьдесят лет, в 1803 году, российские корабли под командой Крузенштерна и Лисянского впервые совершили плавание по этому пути.

В адмиралтейств-коллегии наметили города, где должны были строиться корабли.

Два судна нужно было построить в Архангельске, одно в Тобольске, два в Якутске, несколько кораблей в Охотске. В Тобольск, Якутск и Охотск надо было послать корабельных мастеров и подмастерьев из Петербурга.

Стали просматривать списки морских офицеров, обсуждая, кто подходит для длительной и трудной экспедиции.

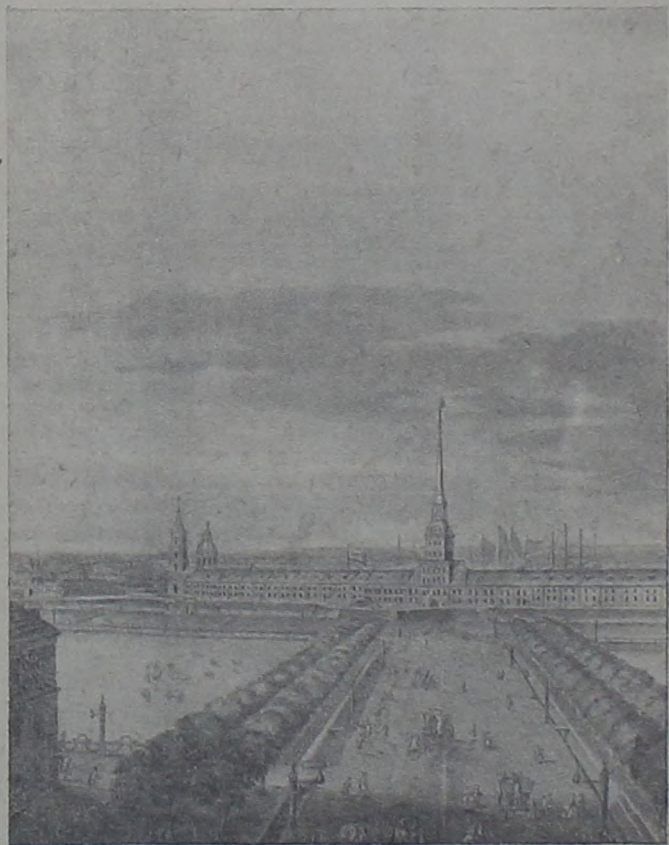
— Лучше брать людей из фамилий небогатых и неродовитых. Породные люди обычно труды презирают, — говорил контр-адмирал Конон Зотов, сын Никиты Зотова, учителя Петра Первого.

Конон Зотов сам был незнатен и не владел поместьями.

— Меня в моих усадьбах не утеснить. Я на морях испомещен, — шутил Зотов.

Другие члены адмиралтейств-коллегии по большей части тоже были люди неродовитые. Они понимали, как важно, чтобы моряки, назначенные в экспедицию, не боялись лишений.

Адмиралтейств-коллегия постановила в первую очередь назначить в экспедицию тех моряков, которые пожелают этого сами.

Адмиралтейство. (С гравюры середины XVIII века.)

«От таких лучшую к службе охоту видеть можно», записали в протоколе адмиралтейств-коллегии.

Участникам экспедиции определили выдавать двойное жалованье, чтобы вознаградить их за трудности, которые предстояло перенести.

Подбирали морских офицеров, уже имевших опыт в плавании, но еще молодых и деятельных.

Начальство над всей экспедицией поручили капитан-командору Берингу.

Но корабли, назначенные в плавание от Архангельска до устья Оби, с самого начала были подчинены только адмиралтейств-коллегии. Беринг уехал в Сибирь, и командиры кораблей, вышедшие из Архангельска, не могли с ним сноситься. Командир корабля, построенного в Тобольске, вскоре тоже стал посылать отчеты прямо в адмиралтейств-коллегию и получать указания только оттуда. Запрашивать Беринга, находившегося в Якутске, было гораздо труднее, чем обращаться в Петербург.

А когда Беринг уехал из Якутска в Охотск, то и командиры других кораблей, которые должны были обследовать путь по Ледовитому океану, стали обращаться за указаниями прямо в адмиралтейств-коллегию.

Руководство экспедицией таким образом в значительной степени перешло к Головину.

Когда молодой Головин жил в Англии, в лондонских книжных лавках продавался переизданный незадолго до того английский перевод книги де-Феера о плаваниях Баренца. Книжки о мореплавателях были тогда немногочисленны. Почти наверное можно сказать, что Головин, изучавший в Англии мореплавание, читал эту книгу.

«Менее всего надобно смеяться над человеком, пытающимся осуществить то, что кажется невозможным. Наоборот, осмеяния заслуживает тот, кто по лености не хочет ничего предпринять», писал де-Феер.

Став в 1733 году президентом адмиралтейств-коллегии, Головин содействовал экспедиции так, как будто навсегда запомнил слова де-Феера.

Он требовал, чтобы участники ее не останавливались ни перед какими трудностями.

В феврале 1733 года моряки выехали из Петербурга. Началась Великая северная экспедиция.

К УСТЬЮ РЕКИ ОБИ

Капитан Архангельского порта Мятлев получил из адмиралтейств-коллегии указ: построить два судна и снарядить их в плавание к устью реки Оби.

Адмиралтейств-коллегия предписывала предварительно посоветоваться с рыбаками и охотниками, которые не раз ходили на далекий промысел в Карское море. Они должны были сказать, какие суда наиболее пригодны для плавания среди льдов.

— Надобно потолковать со стариками-поморами. Они недаром говорят: наше море — наше поле. Каждый год с весны и до осени на море живут, — сказал Мятлев.

От Архангельска до моря считалось по реке верст тридцать, но он мог быть назван приморским городом.

Летом у пристаней на Северной Двине всегда стояли барки с товарами для отправки за границу: с мукой, льном, пенькой, смолой. На пристанях были нагромождены тюки и бочки. На реке виднелись флаги иностранных кораблей. А на берегу стояло большое двухэтажное каменное здание с башенками — гостинный двор, в котором помещались конторы и склады иностранных и русских купцов.

В базарные дни в Архангельск съезжались на лодках поморы со всей округи. Нередко приезжали издалека — с Мезени и Печоры. Среди поморов нетрудно было найти людей, много плававших по северным морям. Капитану Мятлеву привели поморов, не раз доходивших на своих кочах до полуострова Ямала, за которым лежит Обская губа.

Огибать морем полуостров Ямал им не приходилось, но они полагали, что можно обогнуть его, если потратить на это два лета.

— В одно лето морем до Оби не дойдешь. В одно лето дойдешь только до Печоры. Можно бы и дальше пройти, до Ямала, да там зимовать негде. Зимовать удобно на Печоре, в городе Пустозерске. А на другое лето можно и до Оби дойти, — говорили поморы.

В Архангельске в 1733 году уже была заложена верфь, чтобы строить большие корабли по всем правилам тогдашнего кораблестроительного искусства, но она могла быть готова не ранее как через год. А суда для экспедиции надо было строить теперь же.

Корабли у Архангельска. (С гравюры XVIII века.)

Поморы ходили вдоль берегов Белого и Карского морей на небольших суднах — кочах. Плоскодонные кочи мелко сидели в воде, и на них можно было совершать плавание вблизи берега.

Бывалые люди, с которыми советовался Мятлев, говорили, что и для экспедиции следует взять кочи. Построить их можно в короткий срок: жители некоторых деревень вблизи Белого моря славились умением делать лодки и кочи.

Капитан Мятлев поступил так, как советовали поморы. Подряд на постройку двух кочей был дан мастерам, крестьянам из деревни Островной на реке Пинеге.

К лету 1734 года кочи построили. В длину они имели 21 метр, а в ширину 8 метров. Один из них назвали «Экспедицион», другой — «Обь».

Командирами назначили двух лейтенантов: Муравьева и Павлова. Оба лейтенанта давно служили во флоте и знали навигацию, как называли тогда науку мореплавания.

Но командир судна, отправляющегося в далекую и трудную экспедицию, должен не только уметь управлять кораблем: ему необходимы настойчивость, смелость и вместе с тем осторожность. Он должен уметь ободрить команду и служить ей примером.

В адмиралтейств-коллегии знали, что Муравьев и Павлов не новички в морском деле, но какие они люди, никто не позаботился узнать. Это было большой ошибкой.

Команду набрали частью из матросов, частью из бывалых людей. На каждое судно наняли по два кормщика, которые не раз правили кочами, ходившими на промысел по северным морям.

Отплытие кочей назначили на 4 июля. Утром 4 июля лейтенанты Муравьев и Павлов надели парадную форму: кафтаны василькового цвета с золочеными позументами, короткие красные штаны, белые чулки и башмаки с посеребренными пряжками. Матросы в новых парусиновых бострогах, похожих на короткое пальто, в башмаках, чулках и шерстяных вязаных шапках заняли свои места на судне.

На одном коче поместилось двадцать пять, а на другом двадцать шесть человек.

На пристани столпились провожающие. Главный командир Архангельского порта контр-адмирал Бредаль и капитан Мятлев в последний раз осмотрели кочи и пожелали благополучного плавания. Матросы из музыкантской команды Архангельского порта торжественно затрубили в длинные медные трубы. Кочи дрогнули и медленно поплыли вниз по реке.

Выйдя в Белое море, взяли курс на восток.

Муравьеву и Павлову дана была инструкция «осматривать море близ берегов, где имеются места неизвестные и особенно опасные».

Приходилось часто измерять глубину и делать записи в корабельном журнале.

— Место костливое. Того и гляди, на коргу попадешь, — не раз предупреждали бывалые люди.

Это значило, что где-то вблизи должна быть каменистая подводная мель. Командиры приказывали убавить паруса и медленно идти вперед, тщательно делая промеры.

Три недели шли «Обь» и «Экспедицион» до острова Вайгач, который лежит между Новой Землей и материком. Наконец 25 июля кочи вошли в Югорский Шар, пролив, отделяющий Вайгач от материка. Югорским Шаром обычно проходили в Карское море.

Здесь сделали остановку.

Вайгач, пустынный, унылый и безлюдный зимой, оживал в летние месяцы. Несметное количество гусей, лебедей и уток гнезилось на острове. На низких голых берегах ярко расцвели желтые маки.

По острову бродили ненцы, которые на летние месяцы перекочевывали сюда со своими стадами. На Вайгаче в изобилии рос белый мох ягель, который едят олени. Здесь можно было охотиться на тюленей, гусей и уток.

Муравьев и Павлов отправили штурмана произвести опись

берега Вайгача. Лейтенанты хотели во время этой остановки начать меновую торговлю с ненцами. Экспедиция была снабжена самыми разнообразными товарами — от ножей и топоров до разноцветных бус включительно.

«Для подарков кочующим народцам», сказано было в сенатском указе.

Но, конечно, предполагалось, что подарки эти не будут бескорыстны. В обмен на мелкие товары можно было дешево приобрести у ненцев оленей и теплую одежду.

Но на этот раз ненцы, повидимому, кочевали в другой части Вайгача, и обмен пришлось отложить.

Четыре дня простояли «Обь» и «Экспедицион» в Югорском Шаре.

29 июля кочи вышли из Югорского Шара в Карское море. Кормщики заранее предупреждали, что Карское море часто бывает забито льдами. Однако перед кочами простиралась чистая вода.

«Кормщики и бывалые люди весьма удивлялись, ибо они от тех льдов всегда имеют нужду и пропадают много», отметил в журнале лейтенант Муравьев.

Дул попутный ветер. На кочах подняли все паруса.

— Кормщики и бывалые люди и сами не много далее Вайгача путь знают, — говорил потом Муравьев.

«Обь» и «Экспедицион» в начале августа подошли к полуострову Ямалу. Здесь в устье реки Мутной они набрали пресной воды.

Берег был кочковатый и безлесный. Там и сям валялись выкинутые морем деревья. Взяли запас дров и пошли вдоль берега на север. Однако скоро противный ветер заставил кочи вернуться в Мутный залив.

15 августа «Обь» и «Экспедицион» опять вышли в море. На этот раз ветер был попутный. Через три дня дошли до 72° 35' северной широты. Отсюда было уже недалеко до северного края полуострова. Но ветер изменился и задержал кочи. Лейтенанты боялись, что осень застанет их у незнакомых безлюдных и пустынных берегов, и решили повернуть обратно.

Кочи поставили зимовать на реке Печоре, а сами лейтенанты с командой уехали на зимовку в город Пустозерск, который находился недалеко от реки Печоры.

«Плавание совершили благополучно, хотя многие имели нужды, а особливо от неизвестных берегов, которые весьма

Берег острова Вайгач.

имели от себя далекую отмель. И от тамошнего воздуха почитай все хотя несколько времени пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячкой, больными», писал Муравьев адмиралтейств-коллегии из Пустозерска.

Город Пустозерск стоял вблизи озера, которое называлось Пустым. На самом деле озеро совсем не было пусто — в нем водилась разная рыба. Пусто было вокруг — однообразные желтые пески, поросшие невысокими кустами.

В городе было до сотни бревенчатых изб и несколько деревянных башен. В башнях виднелись бойницы. Когда-то Пустозерск был построен как крепость, чтобы охранять русских, собиравших ясак с ненцев.

— Пустозерцы рыбу ловят, нерпу да моржа промышляют, оленей держат, а пуще всего с самоедами торгуют, на мелкие товары дорогие меха выменивают, — говорили про жителей Пустозерска.

От Пустозерска до ближайшего большого города, Архангельска, считалось тысяча верст без малого.

Об этом заброшенном городке в столице вспоминали обычно тогда, когда отправляли кого-нибудь в далекую ссылку. И Пустозерск был известен больше всего именами ссыльных. Здесь был заточен старообрядец протопоп Аввакум, обличавший царя Алексея Михайловича; потом жил князь Василий Васильевич Голицын, приверженец сестры Петра Первого, царевны Софьи.

Население города состояло по большей части из промышленников и мелких торговцев.

Зимой жизнь в Пустозерске шла скучно и однообразно. Лейтенанты Муравьев и Павлов должны были бы позаботиться о команде, занять людей каким-нибудь делом. Но оказалось, что командиры кочей были выбраны неудачно.

За зиму дисциплина в команде сильно ослабела. Для

экспедиции эта зимовка оказалась вреднее, чем опасное плавание во льдах.

Наступило лето 1735 года. Муравьев и Павлов долго ожидали, пока Карское море несколько очистится ото льдов, и вышли из устья Печоры только 29 июня. Они решили, прежде чем направиться к Ямалу, итти к острову Вайгач, чтобы закончить опись его берега, которая была начата в прошлом году.

Простояв некоторое время в Югорском Шаре, кочи попытались выйти в Карское море, однако летом 1735 года Карское море было не таково, как в предыдущем году: льды преградили им путь.

«Обь» и «Экспедицион» вернулись в Югорский Шар.

Восточные ветры нагнали лед и туда.

— И так были в том море ото льдов утеснены, что принуждены стоять на мелях, и день и ночь разными способами от оных отбиваться, и едва могли спастись, — рассказывал потом лейтенант Муравьев.

В конце концов суда вышли в Карское море и взяли курс на северо-восток. Но льдины мешали итти вперед, и нередко приходилось расталкивать их шестами.

18 августа в туманную погоду корабли потеряли друг друга из виду. Через пять дней Муравьев достиг, по его исчислению, широты $73^{\circ} 4'$ и повернул обратно. Лейтенант Павлов прошел еще несколько десятков верст дальше к северу и тоже вернулся.

В начале сентября «Обь» и «Экспедицион» встретились около устья Печоры. Кочи стали на зимовку, а лейтенанты с командой опять поселились в Пустозерске.

Отсюда Муравьев послал рапорт в адмиралтейств-коллегию. Он объяснял неудачу плавания неповоротливостью и тихим ходом кочей.

«Лавировать и на дрейфе лежать никакими мерами невозможно», жаловался лейтенант.

Муравьев полагал, что корабли, которые строились в русском флоте по голландским образцам — боты и дубель-шлюпки, были бы пригоднее для дальнего и трудного плавания. Он просил коллегию сделать для экспедиции вместо кочей два новых корабля и настаивал на том, чтобы ему разрешили купить стадо оленей и отправить его к северу по берегу Ямала. Корабли должны были итти вдоль берега, и команда их могла бы питаться свежим оленьим мясом.

Северный поселок. (С гравюры XVII века.)

Наконец Муравьев докладывал, что надо послать двух географистов описывать берег Ямала со стороны суши. Это значительно облегчит составление карты, а знаки, которые они поставят в разных местах на берегу, помогут морякам на кораблях.

Хотя в первые два года дойти до Обской губы не удалось, коллегия решила продолжать работу.

«До окончания в совершенстве по инструкции оной экспедиции возвращения оттуда не будет», постановила коллегия.

Сенат, по докладу адмиралтейств-коллегии, предписал построить два судна на архангельской верфи и закупить оленье стадо в двести голов.

Местным властям был дан указ сделать для экспедиции все, что возможно.

Между тем лейтенанты, живя в Пустозерске, ссорились и посылали друг на друга жалобы в адмиралтейств-коллегию.

А один из кормщиков, Язжин, жаловался на обоих командиров:

«От несогласия оных лейтенантов в окончание ту экспедицию привести не могли».

Жители Пустозерска писали жалобы на лейтенантов, утверждая, что терпят от них обиды и притеснения.

Нравы в то время были крайне грубы. На городских площадях каждый день били кнутом и плетью осужденных за мелкие преступления. И даже образованные люди нередко заканчивали ссору ударами кулака или палки.

Когда из Архангельска к воеводе прибыл солдат с требованием прислать отчет, Муравьев избил его.

9 декабря был торжественный праздник — именины императрицы Анны Иоанновны. Захмелев, Муравьев побил палкой рудознатца Одинцова, дружившего с лейтенантом Павловым. Одинцов, тоже нетрезвый, крикнул:

— Слово и дело!

В то время это были страшные слова.

«Слово и дело!» кричал тот, кто хотел объявить властям об измене родине, о злоумышлении против царя или о служебном преступлении.

Всякого, кто крикнул: «Слово и дело!», полагалось отправить под стражей в Петербург в Тайную канцелярию. Здесь его допрашивали, хватали оговоренных им людей, пытали и нередко казнили.

Одинцова отослали в Петербург.

На допросе в Тайной канцелярии он обвинял Муравьева в служебных преступлениях. Он рассказал между прочим, что по вине Муравьева «Обь» и «Экспедицион» в 1735 году слишком поздно вышли в плавание; говорил, будто Муравьев умышленно не довел плавание до конца и настоял на том, чтобы повернуть суда обратно.

Муравьев и Павлов были отданы под суд.

Комиссия, разбиравшая их дело, нашла, что хотя они действовали без злого умысла, но во многом виноваты.

«За многие непорядочные и нерадетельные, леностные и глупые поступки лишить их лейтенантских рангов и написать в матросы», постановила комиссия.

Адмиралтейств-коллегия назначила начальником экспедиции лейтенанта Степана Гавриловича Малыгина.

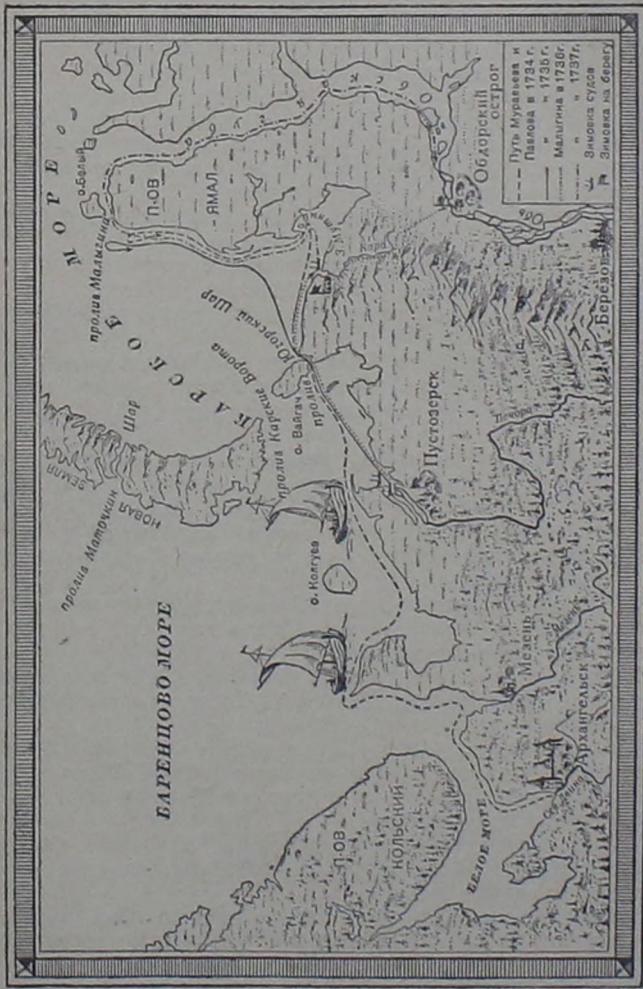
Малыгин приехал в Пустозерск 1 мая 1736 года и принял начальство над экспедицией.

Малыгин был человек уже немолодой, суровый до жестокости. Он происходил из очень небогатой семьи и мог сказать про себя:

— Ежели бы не жалованье, и есть было бы нечего.

Науку мореплавания Малыгин знал хорошо. Еще лет за пять до своего назначения в экспедицию он составил руководство для моряков, «Сокращенную навигацию по карте редукцион».

«Все проблемы чинно и правильно решены, и полезна она книжица, чтоб под ее предводительством обучение производить» — такой отзыв дала Академия наук о книжке Малыгина.

Карта плаваний Муравьева, Павлова и Малигина.

Приехав в Пустозерск, лейтенант Малыгин сразу увидел, что за долгие месяцы зимовки, когда командиры пьянствовали и ссорились, дисциплина сильно расшаталась. Люди отвыкли от работы и неохотно выполняли приказания.

Малыгин сразу проявил себя как строгий командир. Он сам был деятелен и много требовал от других.

Впоследствии его подчиненные жаловались адмиралтейств-коллегии на то, что он обращался с ними слишком жестоко.

Малыгин не признавал себя виновным.

— Наказывал, но не безвинно. И оные штрафы не на всякий час к смерти, — ответил Малыгин.

Он решил, что надо как можно скорее вывести команду из Пустозерска и отправить ее в плавание.

Но оказалось, что кочи нуждаются в основательной починке.

К началу лета должны были быть готовы два новых бота, которые строились в Архангельске. Малыгин решил починить «Экспедицион» и, не теряя времени, итти к Вайгачу на встречу ботам.

25 мая Малыгин вышел в плавание и стал спускаться к устью Печоры. Погода была сырая и холодная, по реке неслись льдины.

Устье Печоры было забито льдом. Льдины с треском сталкивались и громоздились одна на другую. Только кое-где виднелась чистая вода.

Малыгин попытался продвинуться вперед, но напором льда «Экспедицион» вынесло на мель. Судно дало сильную течь, починить его было невозможно.

С большим трудом выгрузили провиант и другие запасы.

Неудача не остановила Малыгина. Он немедленно приступил к починке второго коча, «Оби».

Через три недели «Обь» была готова к плаванию. Малыгин вышел в море и взял курс на остров Вайгач. Около этого острова он решил ждать новые боты, которые должны были пройти через Югорский Шар.

Погода попрежнему стояла сырая и холодная. Снасти покрывались ледяной корой. Судно протекало. Все время приходилось откачивать воду.

8 августа показали наконец новые боты. Они назывались просто: бот первый, бот второй. Одним командовал лейтенант Скуратов, другим — Сухотин.

Малыгин перешел на первый бот, а команду на втором по-

ручил Скуратову. Лейтенант Сухотин получил приказ отвести «Обь» в Архангельск.

Это было не легкое дело: «Обь» давала течь, и уровень воды в трюме повышался на 12 сантиметров в час. Сухотин сумел доставить «Обь» в Архангельск благополучно, вероятно только потому, что дули попутные восточные ветры.

Но ветры, попутные для Сухотина, шедшего на запад, были противными для Малыгина и Скуратова, державших курс на восток. К тому же летом 1736 года, так же как и в 1735 году, было много льда в Карском море.

Только в начале сентября льды несколько разредились и подул попутный ветер. Однако на этот раз боты не смогли дойти даже до полуострова Ямала. Они достигли устья реки Кары, впадающей в Карское море. Льды не позволили пройти дальше. Лучше всего было вернуться в Пустозерск и там перезимовать. Но когда Малыгин был назначен начальником экспедиции, ему сказали в адмиралтейств-коллегии:

— Ежели каждый раз в конце кампании назад возвращаться на зимовку, то, пожалуй, никогда до Оби не дойти. Докуда дошли, там и зимовать надобно, а будущим летом итти далее.

На случай зимовки в безлесной местности Малыгин взял с собой доски и бревна. Теперь они пригодились. На берегу Кары построили избышки.

Когда экспедиция снаряжалась в Архангельске, поморы посоветовали взять невод. Теперь этот невод сослужил важную службу. Малыгин приказал ловить рыбу в устье реки Кары, чтобы обеспечить команду свежей пищей. Бывалые люди, составлявшие вместе с матросами команду ботов, охотно принялись неводить.

— Когда у нас пола мокра, то и брюхо сыто, — повторяли они поморскую поговорку.

Рыбная ловля продолжалась до тех пор, пока не замерзла Кара.

В свое время, набирая команду, подыскали двух бывалых людей, которые имели дело с ненцами и знали их язык.

С их помощью Малыгин выменял у кочевавших в окрестностях реки Кары ненцев оленье мясо и меховые одежды для команды. Он оставил для охраны ботов 10 человек вместе со штурманом и подлекарем. Большую часть команды он решил перевести в Обдорский острог, который стоял около устья

Оби. Таким образом можно было избавить людей от тяжелой зимовки на берегу Кары.

Ненцы обязаны были ежегодно платить подать мехами — ясак. Но многие из них предпочитали не дожидаться сборщиков ясака, всегда требовавших лишнее, и сами отправлялись в Обдорский острог.

Малыгин нашел среди этих ненцев проводников в Обдорск.

На длинных и легких санках, нартах, помещался обычно только один человек с небольшим грузом. В нарты впрягали пять оленей. Для того чтобы перевезти команду Малыгина в Обдорск, потребовалось несколько сот оленей, много нарт и людей.

Только к началу декабря 1736 года с большим трудом собрали достаточно оленей и выехали в Обдорск.

Это был городок, построенный русскими недалеко от устья Оби еще в 1592 году.

Вокруг небольшой деревянной крепости — острога — можно было насчитать несколько десятков изб. Почти все они топились по-черному: дым выходил не через трубу, а через особое отверстие в крыше.

Зимой в избах было почти темно: солнце не надолго показывалось над горизонтом, и его лучи почти не проникали через толстые льдины, вставленные в окна вместо стекол.

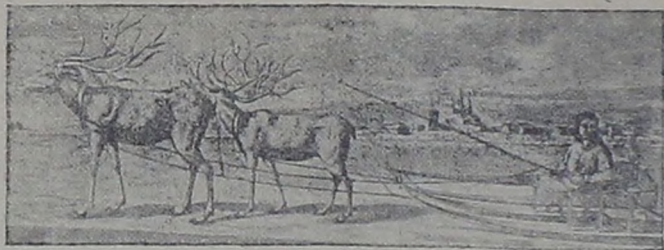
Малыгин благополучно добрался до Обдорска и разместил свою команду в избах местных жителей. Но уже ранней весной, когда морозы стихли, а реки и болота были еще скованы льдом, Малыгин и Скуратов с командой вернулись к устью Кары.

Им пришлось, однако, долго ждать, пока Карское море очистится от льда настолько, чтобы можно было продолжать путь.

Уже давно стаял снег. В мае потянулись вереницы гусей и лебедей; моряки то и дело слышали свист их крыльев у себя над головой. Потом птицы свили гнезда на болотах и озерах Ямала, пестрые шумливые турухтаны, летавшие стайками весной, замолкли, выводя птенцов. А на море все еще стоял лед, и нельзя было начать плавание.

Наконец 6 июля боты вышли из устья Кары и взяли курс на северо-восток. Через две недели они дошли до Мутного залива, куда заходили кочи «Обь» и «Экспедицион» во время первого плавания лейтенантов Муравьева и Павлова.

Малыгин не стал здесь задерживаться.

Ненец. (С гравюры XVIII века.)

Дул попутный юго-восточный ветер. Море было совершенно чисто ото льда. Боты пошли на север.

Через два дня увидели на ровном берегу искусственное возвышение, сложенное из земли. Это был особый знак, маяк, обозначавший то место, до которого дошли Муравьев и Павлов в 1735 году.

Малыгин пошел дальше. Утром 23 июля корабли подошли к северному концу полуострова Ямала. Лейтенант Малыгин и его спутники увидели пролив между Ямалом и низким песчаным островом Белым. Надо было пройти пролив и, обогнув полуостров, войти в Обскую губу. Пролит был чист ото льда. Но противные восточные и северо-восточные ветры с туманами надолго задержали здесь боты.

Малыгин осмотрел берег пролива. Кочковатая тундра спускалась к морю невысоким обрывом. У самого моря тянулась полоска желтого песка.

Малыгин выбрал на берегу место повыше, чтобы отметить на нем пребывание экспедиции. Из дерна и земли сложили конус метра в два вышиной. Этот простенький памятник оказался очень долговечным. Через девяносто лет его нашел и поправил штурман Иванов, который впервые после Малыгина производил опись этих берегов. И еще долго на безлюдном берегу Ямала виднелся поросший мхом бугорок, сложенный когда-то командой лейтенанта Малыгина.

16 августа наконец задул попутный северо-западный ветер. На другой день боты вышли из пролива и вошли в Обскую губу. По этому длинному и узкому заливу они должны были идти еще несколько сот километров до устья Оби.

Прошлой зимой в Обдорске Малыгин слышал, что плавание по губе дается нелегко: нередко приходится бороться со льдами. Но на этот раз перед Малыгиным была чистая вода.

В начале сентября Малыгин и Скуратов благополучно ввели свои корабли в реку Обь. Задача их экспедиции была выполнена. После долгих усилий удалось наконец не только пройти, но и обследовать западную часть северного морского пути.

Боты дошли до города Березова и стали здесь на зимовку. Малыгин уехал в Петербург, чтобы сделать доклад адмиралтейств-коллегии об окончании экспедиции.

Адмиралтейств-коллегия признала опытность Малыгина. Он был назначен командиром фрегата, на котором отправлялись в практическое плавание сорок штурманских учеников и подштурманов. Малыгин должен был обучать их штурманскому делу. Потом он был начальником штурманской роты, долго командовал разными кораблями и умер в чине капитан-командора.

Лейтенант Скуратов, зазимовавший в Березове, получил приказ отвести оба бота в Архангельск.

Таким образом, Скуратов должен был повторить пройденный путь в обратном направлении.

Боты были уже сильно потрепаны во время плаваний 1736 и 1737 годов. На обратном пути они едва не погибли в Карском море. Но Скуратову удалось довести их до Архангельска, затратив на плавание два лета.

Во время плавания Малыгин и Скуратов измеряли глубину моря в разных местах, отмечали мели и подводные камни. У них были только простые, грубо сделанные инструменты, и поэтому они не всегда правильно определяли длину и широту. Опись, которую они сделали, была недостаточно полна и точна. Но в продолжение многих десятков лет она служила единственным источником сведений о морском пути из Архангельска к устью Оби.

И недаром через девяносто лет известный мореплаватель Ф. П. Литке, сам четыре раза водивший корабли к Новой Земле, писал о лейтенантах Муравьеве и Павлове, Малыгине и Скуратове:

«Многие подробности о глубинах, грунтах и течениях моря можно получить только из их журналов».

И, отметив некоторые недочеты их наблюдений, добавил:

«Препятствия физические были столь велики, а напротив, средства, им данные, столь недостаточны, что более надо удивляться тому, что совершено ими, нежели тому, что не сделано».

ГЛАВА IV

ЛЕЙТЕНАНТ ОВЦЫН

Лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын приехал в город Тобольск в конце 1733 года. Здесь ему пришлось немало поработать.

В Тобольске строилось судно, на котором ему предстояло совершить трудное плавание. Надо было, спустившись по Иртышу и Оби, дойти до Студеного моря, как называли тогда Ледовитый океан сибиряки. Выйдя в океан, взять курс на восток, дойти до устья Енисея и подняться вверх по этой реке.

По Ледовитому океану от устья Оби до устья Енисея не плавал еще ни один корабль.

Подготовка экспедиции была делом ответственным и сложным, но Овцын не унывал.

Это был человек молодой и деятельный, живой и общительный. Так же как и другие русские лейтенанты, участвовавшие в экспедиции, он окончил Морскую академию, основанную Петром Первым.

В годы ученья Овцын совершил заграничное плавание из Петербурга в Испанию. Потом он служил на кораблях, плававших по Балтийскому морю, а перед назначением в экспедицию был адъютантом при командире Кронштадтского порта.

В адмиралтейств-коллегии считали Овцына способным моряком.

— В этом лейтенанте будет путь, — говорили про Овцына в Город Тобольск понравился Овцыну.

На крутой горе над берегом Иртыша возвышались белые каменные стены с башнями, за стенами были лучшие дома города. Среди них выделялся большой каменный дом губернатора.

Беднота ютилась под горой, на берегу Иртыша.

Здесь жили «рабочие люди»: плотники, кузнецы, грузчики, гребцы. У многих из них были свои избы. Но никто из них не был уверен в завтрашнем дне: губернская канцелярия

Кремль города Тобольска.

распоряжалась ими, как крепостными, и нередко отправляла на казенную работу в ближние и дальние сибирские города.

Лейтенант Овцын не скучал в Тобольске. Через этот город проезжали все участники экспедиции капитан-командора Беринга.

Часть экспедиции во главе с капитаном Чириковым в Тобольске зазимовала.

Губернатор Плещеев, большой барин, любивший широко пожить, по праздникам устраивал званые обеды и балы и приглашал лейтенанта Овцына вместе с другими офицерами. За обедом подавались рейнские и мускатные вина, а после обеда — китайские сласти. Вечером в большом зале губернаторского дома зажигались толстые восковые свечи в медных шандалах и люстрах с хрустальными подвесками, раздавалась музыка и начинались танцы.

Губернатору, казалось, принадлежала вся власть в Тобольске. Жители города низко кланялись, встречая его на улице. Но секретарю губернской канцелярии кланялись еще ниже.

И когда Овцын спросил, почему секретаря боятся больше губернатора, то получил ответ:

— Губернатор приедет, поживет два-три года и опять в Санкт-Петербург уедет, а секретарь остается.

Овцын скоро убедился, что чиновники, сидевшие в губернской канцелярии, управляли и самим губернатором, который обычно только утверждал их доклады.

Вымогая взятки, они годами тянули дела, которые можно было решить в несколько дней. Но затягивать подготовку экспедиции они не решались. Из сената был прислан стро-

жайший указ — всеми мерами содействовать экспедиции. Да и ссориться с лейтенантом, прибывшим из Петербурга, они боялись.

В конце апреля 1734 года дубель-шлюпка была готова. Ее назвали «Тобол».

Как и большинство кораблей того времени, дубель-шлюпка была невелика: 24 метра в длину и 5 метров в ширину. У нее были две мачты, но она могла идти не только на парусах, но и на веслах. Дубель-шлюпку вооружили восемью небольшими орудиями, фальконетами, которые стреляли двухфунтовыми ядрами.

Разумеется, никто не предполагал, что придется иметь дело с неприятелем.

— Развес моржами воевать будем, — шутили моряки.

Судно принадлежало к военному флоту, и его полагалось вооружить по всем правилам.

2 мая «Тобол» торжественно спустили на воду. Когда судно соскользнуло с громадных салазок, на которых оно стояло, и закатилось на реке, в Тобольской крепости выпалили из трех пушек.

«Тобол», в свою очередь, отдал салют, выстрелив из всех своих фальконетов. На дубель-шлюпку приехал губернатор со свитой, и Овцын устроил на борту «Тобола» торжественный обед.

Пир затянулся почти до сумерек. Провожая гостей, опять палили из фальконетов.

Потом пошли дни, полные напряженных забот. Экспедиция была рассчитана на два года, и нужно было заготовить двухгодичный запас провианта. На «Тоболе» все эти запасы не могли поместиться. Пришлось взять с собой большие лодки, дощеники, чтобы ездить на них продовольствие до устья Оби. Здесь предполагалось построить склады и сложить продукты.

Наконец все было готово. Команда перешла на «Тобол». Всего на борту дубель-шлюпки оказалось пятьдесят шесть человек, в том числе гедезист, который должен был делать береговую съемку, рудочатец, подлекарь и проводники из местных жителей, не раз бывавшие по Иртышу.

14 мая 1734 года дубель-шлюпка отплыла из Тобольска.

Лейтенанту Овцыну устроили торжественные проводы. На большом разукрашенном дощенике провожали его губернатор, помощник Беринга капитан Чириков, академики Гмелин и

Миллер, путешествовавшие в то время по Сибири, и знатные жители Тобольска.

Опять стреляли из пушек, играла музыка, произносили тосты. Лейтенант Овцын и команда, которую ради торжественного дня обильно угостили вином, были настроены по-праздничному.

На другой день наступили будни.

Вблизи Тобольска Иртыш течет тихо, и «Тобол» медленно плыл вниз по реке. Овцын приказал поднять паруса. Но на судне было мало умелых матросов. Большую часть команды составляли ссыльные и потомки ссыльных; их прислала губернская канцелярия, которая распорядилась ими по своему усмотрению.

Они не умели даже взобраться на мачту, чтобы закрепить паруса. И сразу случилась беда: два человека упали за борт и утонули.

Это несчастье, происшедшее на второй день плавания, показалось команде дурным предзнаменованием.

— Ежели так начали, плохо кончим, — говорили многие.

Плыть по Иртышу было нетрудно. После разлива Иртыш был многоводен, и не приходилось опасаться мелей. Берега уже покрылись свежей весенней зеленью. Злодавшие утки и гуси, вытягиваясь в длинные цепочки и реугольники, летели на север.

Дня через три после начала плавания стали встречаться летние остяцкие чумы, сделанные из березовой коры. Лейтенант Овцын с интересом смотрел на эти легкие круглые постройки, широкие внизу и постепенно сужившиеся кверху, с отверстием на верхушке, откуда вилась струйка дыма.

Несколько раз Овцын видел, как ставят чумы: женщины вкапывали в землю длинные шесты, наклонив их так, что они соприкасались верхушками. Потом складывали их берестой, оставив место для входа, и вплотную вокруг стен окапывали юрты землей, чтобы не поддувало снизу. Вход зашивали пологом из оленьей кожи, и ум был готов.

При виде судна все выбегали на берег. У реки толпились невысокие скуластые и узкоглазые люди. Безбородых мужчин трудно было отличить от женщин. В теплые дни они были одеты только в рубашки и штаны из налимьей кожи. Женщины носили длинные одежды из оленьей кожи, выделанных полетнему, без шерсти, но изукрашенных разноцветными полосками мехов. Тут же бегали совсем голые ребята.

Если Овцын посылал лодку на берег за свежей рыбой, женщины поспешно уходили в чум. Мужчины оставались на берегу и меняли рыбу на табак и разные мелкие вещи. В деньгах они плохо разбирались и монеты брали неохотно.

24 мая дубель-шлюпка «Тобол» подошла к устью Иртыша.

— Вывели вас на большую дорогу,—говорили проводники, когда судно приблизилось к широкой Оби, которая делалась еще шире после слияния с Иртышом.

Недалеко от устья Иртыша находилась слобода Самаров Ям. Здесь Овцын переменил проводников и пошел вниз по Оби.

Чем дальше продвигались на север, тем становилось холоднее. Из Тобольска вышли, когда почки на деревьях уже распустились и зазеленела трава, а плывя по Оби, как будто начали обгонять весну: местами на берегах еще лежал снег.

Зато дни становились все длиннее. Скоро короткие ночи стали похожи на сумерки. А когда доплыли до самого северного острога, Обдорска, увидели почти не заходящее солнце.

Ночью можно было свободно читать. Только солнечный свет не был так ярк, как днем, и на солнце можно было смотреть, не жмуря глаз.

Обдорский острог был таков же, как и другие городки-остроги, которые Овцын не раз уже видел в Сибири. За высокой оградой из вкопанных в землю бревен, заостренных, как колья, виднелись небольшие деревянные башни с бойницами для пушек и ружей.

Избы казаков в беспорядке теснились вокруг стен острога. Лейтенант Овцын хотел найти в Обдорске бывалых людей,

Лейтенант Д. Л. Овцын.

которые могли бы быть проводниками его судна. Но это не удалось.

— На собаках да на оленях доезжали и до Студеного моря, а на судах к Студеному морю нам ходить незачем. Рыбы для нас и в Оби хватает, — говорили казаки.

— Разве тюленей да моржей не промышляете? — спрашивал Овцын.

— Мы больше насчет самоедов промышляем, а они на земле живут, — отвечали ему шутя жители Обдорска.

Они считали более выгодным выменивать у ненцев на разную мелочь моржевые клыки, тюлений жир и шкуры, чем добывать их самим.

От Обдорска до устья Оби было недалеко. Но Овцын знал, что Обь впадает в очень большой залив, Обскую губу.

По Обской губе надо было плыть несколько сот верст, чтобы выйти в Ледовитый океан. Точная длина ее была неизвестна, но все говорили о том, что плыть по ней трудно и опасно.

Один из ссыльных, живший в Тобольске, Григорий Новицкий в 1715 году писал про Обскую губу:

«Зело есть пространная, льды многими искони наполнена, яже зрятся, аки превысочайшие горы».

Если бы это известие оправдалось и Овцын встретил многолетний лед и ледяные горы, его маленькое деревянное судно не смогло бы выбраться в океан.

Овцын не стал задерживаться в Обдорске больше трех дней.

Река Обь, прежде чем влиться в Обскую губу, разбивается на длинные рукава.

15 июня Овцын вошел в восточный рукав и начал спускаться к устью.

Дубель-шлюпка шла вперед медленно: на пути встречались мели.

Овцын напряженно всматривался в простиравшуюся перед ним реку. Когда дул ветер и поднималась зыбь, на отмелях волнение было немного меньше, чем там, где было глубоко. На глубоких местах вода бывала немного темнее, чем на мелких. Но оттенки цвета воды часто были едва уловимы, зрение легко могло обмануть.

Приходилось часто делать промеры. Холодный северный ветер затруднял движение дубель-шлюпки и дощеников, которые за ней следовали.

Остяки. (Со старинной гравюры.)

Только через четыре дня удалось выйти в Обскую губу. Но здесь противный ветер еще больше мешал движению судна. Неповоротливые дощеники не могли идти дальше.

Лейтенант Овцын решил выгрузить провиант на берег и отправить дощеники обратно. 21 июня «Тобол» стал на якорь, и команда высадилась на землю, чтобы построить склады.

Невдалеке находились семь озер, вокруг которых гнездились множество уток и другой птицы.

Лейтенант Овцын назвал это место Семиозерным.

Один дощеник сломали и из досок построили склады для провианта. Остальные Овцын отправил обратно. Затем «Тобол» снялся с якоря и продолжал путь один.

Судно с трудом продвигалось дальше. Ветер по большей части дул с севера, приносил мелкие льдины, которые с легким стуком ударялись о борт.

Все время надо было делать промеры, чтобы не наткнуться на мель. Очень часто бросали якорь, отправляли вперед матросов в шлюпке и ждали, пока они обследуют путь.

У устья реки Оби и еще в нескольких пунктах Овцын соорудил маяки, чтобы отметить обследованные им места. Маяки были сложены из дерна и земли. На низком плоском берегу эти знаки видны были издалека.

— Ежели доведется назад повернуть, не дойдя до океана, нам маяки помогут узнать, где идем, и от мелей оберечься, — говорил Овцын.

Наступил июль. Короткое северное лето пришло в тундру. На низком голом берегу зеленели мхи и травы, цвели незабудки и другие цветы. Стада диких оленей, спасаясь от комаров и мошки, входили в воду по шею, и издалека торчащие из воды ветвистые рога напоминали затопленный кустарник, лишенный листьев.

Но ветры попрежнему чаще всего дули с севера, и «Тобол» с трудом шел вперед.

31 июля подошли к большому заливу, Тазовской губе, куда впадала широкая река Таз.

Известно было, что выход в Ледовитый океан лежит севернее Тазовской губы, но на каком расстоянии, этого никто не знал точно.

Шесть дней продолжался путь к северу. Однако не было никаких признаков близости океана. По солнцу определили местоположение судна: оказалось $70^{\circ} 4'$ северной широты.

По морскому уставу Петра Первого, командир корабля в важных случаях должен был выслушивать мнение ближайших своих подчиненных. Овцын созвал корабельный совет, или консилиум, как говорили в то время.

— Вышли мы из Обдорска месяц и три недели тому назад, а до моря не токмо не дошли, но и когда дойдем, не ведаем. На обратный путь до Обдорска положить надобно не менее месяца, а то и гораздо более. Ежели не вернемся теперь, не захватили бы нас морозы. Надобно нам теперь решить, вперед идти или ретироваться, — сказал Овцын.

Решили возвратиться и перезимовать в Обдорске.

Надеялись, что следующим летом удастся скорее пройти уже знакомый путь и своевременно выйти в Ледовитый океан.

4 сентября дубель-шлюпка подошла к Обдорску. Овцын распорядился снять все снасти с судна и поставить его на зимовку.

Команда перебралась в острог и разместилась в избах жителей. Из Обдорска Овцын послал на лодках геодезиста с

людьми описывать берега. Они должны были, пока будет возможность, продолжать работу по обследованию Обской губы.

В середине октября Обь покрылась льдом.

В ноябре лейтенант Овцын неожиданно получил известие об экспедиции Муравьева и Павлова.

В Обдорск приехали на оленях ненцы, кочевавшие близ берегов Карского моря. Они привезли ясак и рассказали, что видели около устья реки Кары русских людей, посланных из Пустозерска. Люди ехали на оленях вдоль берега и ставили какие-то знаки.

Овцын понял, что лейтенанты Муравьев и Павлов зазимовали в Пустозерске и послали геодезиста с проводниками описывать берег с суши и ставить маяки.

Он составил сообщение о своей экспедиции, указал те места в Обской губе, где поставил маяки, и послал эти материалы Муравьеву и Павлову с двумя казаками, которых отправил в Пустозерск вместе с ненцами.

Потянулись однообразные зимние дни. Солнце все меньше и меньше оставалось на небе и почти перестало показываться. В избах, где разместилась команда Овцына, было тесно и душно. Даже в то время, когда еще светило солнце, в доме было темно, как в сумерки: льдины, вставленные в окна вместо стекол, плохо пропускали солнечные лучи.

У многих пожелтели лица, распухли ноги и шатались зубы. Началась цынга.

Овцын отправил часть команды в город Березов, стоящий на Оби выше Обдорска. «Понеже в оном Обдорске воздух зело тяжел», объяснял впоследствии Овцын.

С наступлением весны люди несколько окрепли. Болезнь не успела развиться, но здоровье команды было подорвано.

Овцын решил выйти в плавание, как только вскрыется Обь. Он знал теперь по опыту, что плавание должно быть длительным, и не хотел терять ни одного дня.

— Выйдем вслед за льдом, — говорил Овцын.

29 мая 1735 года дубель-шлюпка «Тобол» отплыла от Обдорска. По реке еще носились мелкие льдины. А когда вошли в восточный рукав Оби, льдины окружили судно.

Стоя на палубе, Овцын с тревогой прислушивался, как шуршат за бортом куски льда, задевая судно. Он опасался, как бы льды не затерли дубель-шлюпку и не прижали ее к

берегу. И не раз лейтенант приказывал стать на якорь и дожидаться, пока пройдет лед.

6 июля подошли к складам у семи озер.

Здесь простояли пять дней и двинулись дальше. Но уже через два дня пришлось остановиться: льды преградили путь.

Погода была холодная и сырая. Часто судно окружал густой туман, который проникал даже сквозь одежду и вызывал неприятную дрожь.

Стоя на вахте и глядя на серую воду, лейтенант Овцын иногда невольно вспоминал темносинее небо, море и залитые солнечным светом берега с вечнозелеными садами, в которых зрели апельсины.

«Да, здесь не Гишпания», — говорил про себя Овцын, ежась от сырости.

Но он старался не думать об этом.

Как только льды впереди расступались, он продвигал судно вперед.

Однако силы команды, ослабевшей зимой, начали падать. Питались солониной и продуктами, заготовленными год тому назад. Постоянная сырость вызывала болезни. Начала развиваться цынга.

Один за другим захварывали матросы. Тяжело заболел рудознатец Матвеев, тело которого скоро покрылось пятнами, похожими на кровоподтеки от побоев.

У Овцына стали пухнуть ноги и во всем теле чувствовалась слабость, с которой трудно было бороться. Но он долго не хотел сдаваться. И по мере того как льды относил к северу, дубель-шлюпка «Тобол» медленно шла за ними.

В начале июля льды стали быстро таять. А люди уже выбились из сил. К середине июля из пятидесяти трех человек здоровых было только семнадцать.

18 июля Овцын созвал корабельный совет.

— Надобно возвратиться, дабы не помереть всем безвременной смертью и не потерять судно, — говорили на корабельном совете.

Постановили идти назад в Тобольск, чтобы подлечить там больных, запастись свежей провизией для будущего года и отремонтировать судно.

Перед тем как повернуть назад, определили широту: оказалось $68^{\circ} 4'$. Таким образом, несмотря на все усилия, на этот раз не дошли и до тех мест, где были прошлым летом.

На обратном пути в Обдорском и в Березовском острогах

взяли новых людей вместо тяжело больных, иначе не смогли бы идти дальше.

В Тобольск возвратились 6 октября, когда по Иртышу уже неслись льдины. Но вернулись не все: четверо умерло от цынги, в том числе рудознатец Матвеев.

Два месяца пролежал Овцын в Тобольске. За это время он много размышлял о том, почему не удалась его экспедиция.

«Надобно бы иметь два судна, а не одно. Тогда и вперед идти можно решительнее и быстрее. Будешь знать, что ежели и сядешь на мель, другое судно поможет. А с одним судном и у самой цели можно в тех местах погибнуть безвестно.

Очень бы нужно послать по берегу казаков с стадом оленей. Тогда у команды была бы свежая пища. Сказывали мне еще в Обдорске, у самоедов от цынги первое средство — оленья кровь.

Следовало б послать геодезиста описать берег с суши до самого океана да и океанское побережье, сколько возможно. Геодезии ученик Прянишников, коего я послал берегом, полезную сделал опись: теперь на карту нанести можно заливы и мысы важнейшие, но не далее Тазовской губы. Ежели б до конца довести сие дело, большая была бы польза», думал Овцын.

Овцын решил ехать в Петербург, чтобы просить у адмиралтейств-коллегии еще одно судно и высказать свои пожелания. К тому же надо было получить для дубель-шлюпки новые паруса да по возможности обновить и все снасти, пострадавшие от ветров и непогоды.

Окрепнув немного после болезни, Овцын уехал в Петербург.

Президент адмиралтейств-коллегии Головин выслушал его рапорт и задал несколько коротких деловых вопросов.

— Ежели в минувшие два лета дело благополучно закончить не удалось, то хоть ту получили пользу, что лучше знаем теперь, как таковые экспедиции снаряжать, — сказал Головин.

И, немного помолчав, добавил:

— Второе судно дадим, да и остальное, что резонно просишь, получишь. А ты дело доводи до конца. И так и знай: пока из Оби в Енисей не пройдешь, вернуться не позволим.

Адмиралтейств-коллегия решила построить в Тобольске бот для экспедиции, отправив туда корабельного мастера Ко-

шелева, штурмана и других моряков, которых нельзя было найти на месте.

Лейтенанту Овцыну коллегия не сделала упрека за неудачу экспедиции, но постановила:

«А до окончания в совершенстве оной экспедиции Овцыну, как и Малыгину, возвращения не будет».

В конце февраля 1736 года лейтенант Овцын приехал в Тобольск.

Корабельный мастер Кошелев без промедления приступил к постройке бота, но судно не было готово к началу лета. Овцын решил опять выйти в плавание на дубель-шлюпке «Тобол», взяв с собой штурмана Минина и подштурмана Стерлегова.

В конце июня Овцын прибыл в Обдорск и привез с собой указ, чтобы казаки со стадом оленей сопровождали экспедицию, следуя по берегу.

Овцын надеялся на этот раз дойти до Енисея. Однако на случай неудачи он принимал меры, чтобы на будущий год пройти путь без затруднений: на всем пройденном пути делал промеры и ставил вехи.

Благополучно миновали устье реки Таза, но на широте $69^{\circ} 50'$ встретили пловучий лед. Две недели продолжали путь вперед, хотя не раз льдины угрожали затереть судно.

«Всегда были в великих льдах, которые позади себя оставляли, ревнуя неотменно ко исполнению порученного нам дела», вспоминал потом об этих днях Овцын.

Наконец 5 августа на широте $72^{\circ} 40'$ льды остановили судно. По расчетам Овцына, теперь берег океана был недалеко. Можно было бы перезимовать в этих местах и будущей весной выйти в океан.

Но казаки, которые гнали по берегу стадо оленей, не сумели переправиться через устье реки Таза, а без свежей пищи оставаться на зимовку было опасно. Да и неизвестно было, удастся ли на голом берегу найти достаточно плавника, чтобы построить зимовье и сделать запас дров на зиму.

14 августа решили возвратиться назад. В конце сентября дубель-шлюпка «Тобол» подошла к Обдорску.

Здесь судно поставили на зимовку, а команду так же, как и два года тому назад, разместили по избам казаков.

Сам Овцын не остался в Обдорске. Он уехал в Березовский острог, который стоял на реке Оби выше Обдорска. Здесь Овцын рассчитывал достать припасы для экспедиции.

Это был небольшой укрепленный городок, построенный еще в 1593 году для того, чтобы отсюда собирать ясак с остяков и держать их в подчинении. В первой половине XVIII века Березов стал местом ссылки опальных вельмож, которых хотели отправить подальше от Петербурга.

Здесь был сослан в 1728 году ближайший сподвижник Петра Первого князь Александр Данилович Меншиков. Дом, где его поселили с дочерьми, обнесен был высокой оградой, за которую сосыльные не имели права выходить. Здесь Меншиков и умер в 1729 году.

Но жилище его недолго оставалось пустым. Через год после смерти Меншикова сослали в Березов его злейшего врага, обер-камергера князя Ивана Долгорукого. Внук Петра Первого Петр Второй, четырнадцатилетний император, любил Долгорукого больше всех своих придворных. Долгорукий был молод, красив, ловок и дерзок.

Меншиков в Березове. (С картины В. И. Сурикова.)

— Иван Алексеевич — человек веселонравный, — говорили люди, знавшие его.

Он любил охоту с гончими, бешеную верховую езду и шумные попойки.

Иван Долгорукий старался доставить мальчику-императору побольше удовольствий. Он нередко вовлекал Петра Второго в опасные и дурные потехи. Во весь опор мчались они по улицам столицы с отрядом драгун и смеялись, видя, как бросаются в стороны испуганные прохожие перед их лошадьми.

Иван Долгорукий получил высший придворный чин и ордена, которые давались только самым заслуженным сановникам.

— Долгорукий теперь первая персона в государстве, — говорили при дворе.

В ноябре 1729 года Петр Второй был торжественно обручен с сестрой Долгорукого Екатериной Алексеевной.

Екатерина Долгорукая получила титул государыни-невесты. Но не прошло и двух месяцев, как император заболел оспой и умер.

Новая императрица Анна Иоанновна сослала Долгорукого в Березов вместе с молодой женой, с отцом, с сестрой, «государыней-невестой» Екатериной Алексеевной, и малолетними братьями.

Березов сперва показался Долгоруким страшным местом.

«Довезли нас в маленький городок. Жители в нем едят рыбу сырую, ездят на собаках, носят оленин кожи. Избы кедровые, окончины ледяные вместо стекла. Зимы здесь десять месяцев или восемь, морозы несносные. Ничего не родится, ни хлеба, никакого фрукту, ниже капусты. Леса непроходимые да болота», писала впоследствии в своих «Записках» жена Ивана Долгорукого Наталья Борисовна.

Но понемногу Долгорукие стали обживать в Березове. За высоким забором, которым было обнесено их место заключения, появились новые домики. Посредине двора вырыли пруд, на котором плавали утки и лебеди.

Долгоруких велено было содержать «под жестоким караулом». Но начальник стражи, добродушный майор Петров, скоро сделался кумом Долгоруких. Березовский воевода бывал у них в гостях. И когда лейтенант Овцын приехал в Березов, Долгорукие жили в заключении почти как на свободе: никто не мешал им выходить за ограду и принимать гостей.

Вскоре после своего приезда в Березов Овцын познакомился с Иваном Долгоруким и его семьей.

Если бы лейтенант Овцын захотел познакомиться с Долгорукими в то время, когда они были в чести, это вряд ли удалось бы ему.

«Долгорукие всех, даже самого царя, трактовали с гордостью и невыносимым самовластием», писал испанский посол в России герцог де-Лирия.

Теперь лейтенант был принят в доме Долгоруких как желанный гость.

В длинные осенние вечера в Березове было скучно и однообразно. Овцын стал часто бывать у Долгоруких.

Вскоре произошел случай, который еще больше сблизил Овцына с опальной семьей.

В Березов был командирован из Тобольска канцелярист Осип Тишин. Это был человек пронырливый, трусливый, но дерзкий, когда бывал пьян. А пьянствовал он часто и подолгу.

Однажды, выпив лишнее, Тишин проходил мимо ограды, за которой жили Долгорукие.

У калитки стоял часовой в потрепанной шубе из собачьих шкур, с ружьем в руке.

Тишин остановился и взялся за железное кольцо в калитке, служившее вместо ручки. Часовой его не окликнул: в маленьком Березове уже все знали, что это канцелярист из Тобольска, приехавший по казенной надобности.

Открыв калитку, Тишин увидел во дворе девушку в дорогой шубе с собольим воротником. Она была невысока ростом, лицо у нее было красивое, строгое и надменное. Тишин догадался, что перед ним бывшая «государыня-невеста», Екатерина Долгорукая.

— Что, прошло ваше времечко? — крикнул Тишин.

Девушка молча повернулась к нему спиной.

— Может, теперь и за меня замуж выйдешь, государыня-невеста?

Девушка, не оборачиваясь, шла к дому.

Тишина разобрал пьяный задор.

— Уходишь? — сказал Тишин и вдруг крикнул ей вслед грубую ругань.

Девушка ускорила шаги.

«Жаловаться пошла», догадался Тишин.

Несмотря на хмель, он струсил и быстро ушел со двора.

Екатерина Долгорукая рассказала брату, как оскорбил ее канцелярист. Иван Долгорукий передал ее рассказ лейтенанту Овцыну.

— Прочитать его надобно, — ответил Овцын.

На следующий же день Овцын подстерег Тишина на улице и избил его.

Можно было думать, что Тишин обратится с жалобой к березовскому воеводе, но он промолчал.

— Сам разумеет, видно, что за дело побит, — шутил Овцын.

Но Тишин затаил обиду и стал обдумывать, как бы отомстить лейтенанту так, чтобы не подвергнуться никакой неприятности, а может быть, и извлечь из этой мести выгоду.

Вскоре Овцын вернулся в Обдорск.

В начале июня 1737 года корабельный мастер Кошелев привел в Обдорск построенный в Тобольске бот. Судно называли «Обь-почталъон». Оно было немного меньше дубель-шлюпки, но имело хороший ход.

Лейтенант Овцын взял «Обь-почталъон» под свою команду, а Кошелеву отдал «Тобол». Людей распределили поровну между обоими судами; на каждом разместилось по тридцать пять человек.

29 июня Овцын вышел в плавание в четвертый раз. Но теперь он шел изведанным путем и имел не одно судно, а два.

Летом 1737 года в той части Ледовитого океана, которая омывает берега Сибири вблизи Оби и Енисея, было меньше льда, чем обычно.

В это лето лейтенант Малыгин вошел в Обскую губу, свободную от льда. И перед Овцыным, когда он шел Обской губой, тоже почти все время была чистая вода.

5 августа дошли до широты 72°. Здесь Овцын увидел на берегу казаков, которые были посланы вперед со стадом оленей. На этот раз казакам удалось благополучно перебраться через реку Таз. Команда была обеспечена свежей пищей.

Год тому назад Овцын, будучи в этих местах, вынужден был вернуться обратно, потому что льды преградили путь. Теперь оба судна свободно шли вперед, хотя дул северо-восточный ветер, который замедлял плавание.

Наконец 7 августа увидели открытое море. Вода была темно-голубая, а когда Овцын попробовал ее на вкус, оказалось, что она солено-горькая.

Место заключения Долгоруких в Березове. (Гравюра с рисунка 1740 года.)

Над кораблем летали черные чайки. Издалека видели кита, пускавшего кверху фонтаны воды.

Выйдя в океан, увидели на севере и на западе льды. Лед, толщиной около двух метров, местами подходил близко к земле, но путь вдоль берега на восток был свободен.

На корабельном совете решили взять курс на восток и идти к устью Енисея.

16 августа обогнули Матте-Сале, северный мыс полуострова, разделяющего Обскую губу и Енисейский залив. На берегу поставили знак из камней и сделали надпись.

Рудознатец, которого, согласно инструкции, во время плавания не раз посылали на берег, взял пробу почвы и дал отзыв:

— Земля песчаная и мерзлая, и признаков руды нет.

Было холодно, на земле местами лежал снег. Ветры по-прежнему были противные. И все-таки 31 августа «с превеликими трудностями» удалось войти в Енисейскую губу.

Здесь на берегу увидели проводников, посланных навстречу экспедиции из самого северного в то время города на Енисее — Туруханска.

Больше месяца тащились «Обь-почтальон» и «Тобол» вверх по Енисею, да так и не успели дойти до Туруханска. Насту-

пили морозы. Пришлось поставить суда на зимовку в нескольких верстах от города.

Овцын направился в Петербург, взяв с собой судовые журналы, карту пройденного пути и другие материалы для доклада в адмиралтейств-коллегии.

Дубель-шлюпка «Тобол», прослужившая четыре года, уже не годилась для дальнейшего плавания во льдах. Овцын решил отвести ее в Енисейск, а оттуда ехать в Петербург на лошадях.

Командование ботом «Обь-почталъон» Овцын передал штурману Минину. Минин вместе с подштурманом Стерлеговым должны были выполнить второе задание, которое было дано экспедиции: пройти от устья Енисея на восток до устья реки Хатанги.

Три раза выходили в плавание Минин и Стерлегов: в 1738, 1739 и 1740 годах. Они шли вдоль западного берега полуострова Таймыра, который лежит между устьями Енисея и Хатанги. Но обогнуть полуостров они не смогли и в 1740 году с великим трудом прошли на своем судне до $75^{\circ}15'$ северной широты. Впереди был каменный мыс. Подойти к нему мешали льды.

Минин послал подштурмана Стерлегова на большой лодке осмотреть мыс. Лодка с трудом пробиралась между большими плавающими льдинами. Подойдя ближе, увидели высокие сплошные льды, стоявшие стеной.

На обратном пути чуть не погибли.

— С великою нуждою воротились, — рассказывал потом Стерлегов.

В январе 1740 года Стерлегов отправился на собаках описывать берег Таймыра. Он прошел до $75^{\circ}26'$ северной широты и описал мыс, который теперь носит его имя. Пройти дальше ему не удалось.

Таким образом, Минин и Стерлегов описали только часть западного побережья Таймырского полуострова.

Между тем лейтенант Овцын к концу лета 1738 года доплыл на дубель-шлюпке «Тобол» до города Енисейска. Затем он выехал в Петербург.

По дороге Овцын должен был остановиться в Тобольске, чтобы переговорить с сибирским губернатором о нуждах экспедиции, которая продолжалась под начальством штурмана Минина.

Подъезжая к Тобольску, Овцын вспоминал, как он в пер-

вый раз выходил отсюда в плавание, провожаемый торжественным пушечным салютом. Он как будто вновь переживал свое возвращение в Тобольск в 1735 году после двух неудачных плаваний. Дубель-шлюпка «Тобол» с изорванными парусами и больной командой, помятая в борьбе со льдами, едва дотащилась тогда до Тобольска.

Теперь лейтенант Овцын мог смотреть прямо в глаза своим тобольским знакомым: он прошел из устья Оби в устье Енисея и сделал опись пройденного пути.

Овцын предполагал прожить в Тобольске несколько дней. Но как только он приехал, к нему явился офицер с двумя солдатами.

— Лейтенант Овцын? — спросил офицер.

И, не дожидаясь ответа, добавил:

— Арестован.

В тюрьме Овцын увидел нескольких жителей Березова. Разговорившись с ними, он понял, почему арестован.

Канцелярист Тишин, вернувшись в Тобольск из Березова, подал обстоятельный донос. Он писал, что березовский воевода и начальник караула майор Петров содержит Долгоруких «не крепко». В бытность его, Тишина, в Березове у Долгоруких свободно бывали многие березовские жители, а чаще всех лейтенант Овцын. И Иван Долгорукий не ругал царицу Анну Иоанновну, а Овцын слушал и о том не доносил.

Из Тобольска командировали в Березов капитана Ушакова. Он явился туда под вымышленным предлогом и познакомился не только с воеводой и майором Петровым, но и запросто бывал у Долгоруких. Однажды Иван Долгорукий сказал ему про царицу:

— Через нее вся наша фамилия пропала.

Ушаков уехал в Тобольск, но скоро вернулся с отрядом солдат. Схвачены были Иван Долгорукий с братьями, березовский воевода, начальник караула майор Петров и многие березовские жители. А Овцына приказано было арестовать, как только он вернется из экспедиции.

В тобольской тюрьме на Долгорукого надели кандалы и приковали к стене цепью. На одном из допросов он проговорился: сказал, что перед смертью Петра Второго составил было вместе с своими дядями от имени умиравшего царя подложное завещание в пользу «государыни-невесты» Екатерины Долгорукой, но потом испугался и бумагу уничтожил.

Долгорукого отправили в Петербург в Тайную канцелярию, которая ведала розыском по всем государственным преступлениям. После пыток Иван Долгорукий и двое его дядей были казнены. Отрубили голову майору Петрову. Другим дали тяжелые наказания.

Доносчик Тишин получил награду: его перевели в Москву, повысив в должности, и постановили выдать ему шестьсот рублей, выплачивая их по сто рублей в год. «Понеже он пьянству и мотовству подвержен», пояснила свое решение Тайная канцелярия.

Овцыну объявили его вину: «Будучи в Березове, со ссыльным Иваном Долгоруким имел кумпанию, дружеское обхождение и хаживал к нему в гости, чего чинить было не должно».

Овцына разжаловали в матросы и отправили на Камчатку в распоряжение капитан-командора Беринга. Простым матросом участвовал он в плавании Беринга к берегам Америки.

Он перенес тяжелую зимовку на безлюдном острове, до которого с трудом дошел корабль Беринга, поврежденный штермами.

Вернувшись из экспедиции, Овцын узнал, что его восстановили в чине лейтенанта.

Он еще довольно долго пробыл на морской службе и дослужился до важной должности: оберштер-кригс-комиссара флота.

О деятельности оберштер-кригс-комиссара Овцына не осталось никаких воспоминаний. Но зато надолго сохранилась память о лейтенанте Овцыне, который четыре года подряд пытался пройти неизведанным ранее путем через Ледовитый океан из устья Оби в устье Енисея и наконец разрешил эту задачу.

ГЛАВА V

НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

30 июня 1735 года от города Якутска отплыли два судна. Они были только что построены, и на палубах пахло смолой и свежей, едва просохшей краской. На корме одного судна виднелась надпись «Иркутск». Другое судно называлось «Якутск».

Ботом «Иркутск» командовал лейтенант Питер Ласиньус. Он был родом датчанин, но служил в русском флоте, где в

то время было много иностранцев, приглашенных на службу Петром Первым. Ласиниус считался опытным моряком, но по Ледовитому океану, куда направлялось судно, ему предстояло плавать в первый раз.

Команда «Иркутска» состояла из пятидесяти двух человек и с трудом умещалась на маленьком судне, длиной всего около 20 метров.

Другим судном, дубель-шлюпкой «Якутск», командовал лейтенант Василий Прончищев. Прончищев плавал раньше штурманом и хорошо знал навигацию, или «науку о морском хождении», как говорили в то время.

Вместе с Прончищевым отправилась в плавание его жена Мария.

Многие участники Великой северной экспедиции, зная, что им придется прожить в Сибири несколько лет, взяли с собой жен. Жены моряков жили с мужьями в Якутске и других городах, но ни одна из них не сопровождала мужа во время плавания.

— Вояж будет тяжелый и гораздо опасный, — предупреждали Прончищеву.

Но она настояла на своем.

Обязанности штурмана на «Якутске» исполнял Семен Челюскин, человек молодой, выносливый и настойчивый. Лейтенант Прончищев смог скоро убедиться, что Челюскин — надежный помощник.

Для составления карт и съемок берега к экспедиции Прончищева был прикомандирован геодезист Чекин. Можно было предположить, что часть берега придется описать со стороны суши. Чекин должен был выполнить эту работу.

За Якутском Лена текла широкой серой лентой между лесистыми берегами. Чем дальше к северу, тем многоводнее становилась река. Но леса, стоявшие по ее берегам, чахли. Деревья становились все мельче и мельче, стволы их искривлялись, точно лес хворал тяжелой болезнью. Потом деревья уступили место кустам. Наконец пошла кочковатая тундра, на которой росли кустики голубицы с синими кисловатыми ягодами и бледножелтая морошка.

Больше месяца потребовалось на то, чтобы дойти до устья Лены.

Перед впадением в океан Лена разделяется на несколько рукавов. 2 августа бот «Иркутск», шедший впереди, вошел в восточный рукав, Быковскую протоку. Следовало проме-

ритель глубины, отметить мелкие места и подробно описать протоку. Но надо было спешить — впереди лежал долгий и трудный путь от устья Лены по Ледовитому океану до пролива, отделяющего Азию от Америки, и дальше, вдоль Чукотского полуострова.

Между тем был уже август месяц, и трудно было надеяться совершить такое большое плавание этим летом. Ласиниус хотел пройти возможно дальше на восток, перезимовать в устье одной из больших рек, впадающих в Ледовитый океан, и возобновить плавание весной будущего года.

Ледовитый океан встретил Ласиниуса неприветливо. Стояла холодная туманная погода. Не было попутных ветров. Бот медленно продвигался на восток вдоль однообразного, унылого, голого берега. Через пять дней льды преградили путь. Маленькое деревянное судно беспомощно стучалось о льдины, стараясь продвинуться вперед.

В течение двух дней бот не мог плыть дальше. Потом льды немного развело, и «Иркутск» медленно пошел вперед. Но вскоре лед опять остановил судно.

Ласиниусу раньше не раз случалось переживать опасности на море, когда ветры трепали судно и гнали его по волнам. Но такого плавания, когда надо было медленно продвигаться среди льдин, опасаясь, как бы лед не сковал судно, Ласиниусу не приходилось еще совершать.

И уже после нескольких дней плавания по Ледовитому океану он стал думать о том, чтобы войти в безопасную гавань.

— Надобно найти отстойное место к зимовью, — говорил Ласиниус.

14 августа Ласиниус увидел залив Буор-Хая, в который впадала небольшая речка Хариулах. Путь на восток был закрыт льдами.

Ласиниус решил войти в залив и здесь перезимовать.

17 августа бот «Иркутск» стал на зимовку.

Залив, выбранный для зимовки, находится всего в нескольких десятках километров от устья Лены.

Ласиниус осмотрел берег. Нашли несколько давно оставленных юрт. Других признаков человеческого жилья найти не удалось: местность была безлюдна и пустынна.

На берегу оказалось довольно много плавника.

Ласиниус распорядился построить из плавника дом. Начали строить избу в 26 метров длиной. Сделать это было нелег-

ко. Среди плавника нельзя было найти достаточно толстых и ровных деревьев. Приходилось брать деревья с кривыми стволами. Кое-как сложили стены. Для крыши плавника не хватило, и дом покрыли дерном. Стены получились с щелями, и как ни конопатили их мхом, которого много было в прибрежной тундре, все-таки дуло очень сильно.

Еще хуже вышли печи. Чтобы отопить такое большое помещение, решили поставить три печи. Подходящей глины не было, и печи кое-как соорудили из речного ила. Но они несколько раз обваливались во время топки.

В начале сентября выпал снег, а вскоре после того замерзла река. Дни быстро шли на убыль. Начиналась трудная и длинная северная зима.

В доме, где зимовала команда бота «Иркутск», было холодно, сыро и дымно.

У Ласиниуса был достаточный запас провианта для одной зимовки. Он решил, что, судя по началу путешествия, надо рассчитывать на две зимовки, и сократил выдачу пищи команде. А пища была и без того скудная: солонина, каша, сухари и лепешки, заменявшие хлеб. Хлеб нельзя было выпечь, не имея хорошей печи.

Ласиниус не понимал, что люди, скученные в холодном дымном помещении, при скудной и однообразной пище не смогут перенести и одной зимы.

Вскоре началась цынга. И одним из первых захворал сам Ласиниус. Люди быстро теряли силы. Опухало тело, на коже появлялись синие и зеленые пятна, из десен сочилась кровь.

Наступила полярная ночь. Начались морозы. Нередко, выйдя из дому, люди сейчас же возвращались.

— Такой мороз, что дух захватывает. Кажется, и зубы во рту мерзнут, — говорили они.

В полутемном холодном доме, едва освещаемом светильней, лежали вялые, ослабевшие люди.

Немногие, кто еще держался на ногах, выходили на берег, коченеющими от холода руками откапывали в глубоком снегу плавник и топили печи, которые почти не сохраняли тепла.

В декабре умер Ласиниус. Вслед за ним умерли штурманский ученик, геодезист и многие матросы.

19 января впервые показалось на несколько минут солнце.

— Теперь день будет прибывать, а болезнь убывать, — сказал подлекарь Хренев.

Но больные продолжали умирать. В марте умер и подлекарь Хренев.

К началу мая из пятидесяти двух человек умерли тридцать девять. Только восемь человек были более или менее здоровы.

Они питались такой же скудной пищей и жили в той же холодной, сырой избе, но они все время старались как можно больше двигаться и работать.

Скорее всего захварывали те, кто не боролся с сонливостью. Восемь человек, оставшихся здоровыми, договаривались друг с другом:

— Ежели увидишь, что я сплю больше четырех часов подряд, подымай меня силой. Не буду вставать, лей холодную воду на голову.

Они ходили за топливом в самые морозные дни. Только тогда, когда бушевали такие ветры, что трудно было устоять на ногах, они не решались выходить из дома. Однако и тогда они старались не оставаться без дела.

К началу весны и эти люди стали слабеть. Только когда наступили длинные солнечные дни, слабость быстро прошла.

В апреле умерло еще трое больных. Оставшиеся в живых моряки решили пешком идти к устью Лены.

После тяжелых лишений им удалось добраться до Якутска.

Капитан-командор Беринг, находившийся тогда в Якутске, назначил нового командира, лейтенанта Дмитрия Лаптева, и новую команду для борта «Иркутск».

Лейтенант Ласиниус погиб в самом начале экспедиции, но его путешествие оказалось поучительным: на примере Ласиниуса можно было наглядно научиться тому, как нельзя организовывать зимовку в полярных странах.

Лейтенант Прончищев вышел из устья Лены через несколько дней после Ласиниуса. Прончищев должен был обследовать совсем неизвестную часть северного морского пути: пройти на запад от устья Лены до устья Енисея.

Это трудное и длительное плавание нельзя было закончить до начала зимы. Прончищев рассчитывал войти в устье одной из рек, впадающих в Ледовитый океан между Леной и Енисеем, и там перезимовать. Миновав мелкие песчаные острова, лежащие в устье Лены, он пошел к западу.

Судно довольно часто останавливалось, чтобы сделать

промеры, но и без того все время задерживалось: не было попутного ветра.

Короткое северное лето подходило к концу. Несколько раз шел снег, с каждым днем становилось холоднее.

25 августа увидели залив, в который впадает довольно широкая река Оленек. На берегу залива стояли девять или десять небольших избушек.

С корабля спустили шлюпку.

— Никак, якуты, — говорили матросы, разглядывая людей, столпившихся на берегу.

Однако оказалось, что это были русские промышленники, добывавшие здесь рыбу и охотившиеся на песцов и оленей. Они были женаты на якутках, одевались, как якуты, и вели такой же образ жизни.

Берега были безлесные, но на земле валялось довольно много плавника, который можно было использовать для построек и топлива.

Лейтенант Прончищев решил здесь перезимовать.

«Нынче двадцать пятое августа. Ежели и сможем еще немного далее морем пройти, все равно скоро должны будем на зимовку стать. А найдем ли мы далее гавань, столь удобную? Да и жители здешние зимой нам могут полезны оказаться», рассуждал Прончищев.

С судна сняли все снасти и поставили его на зимовку. На берегу построили из плавника избы для команды.

— Дабы не стеснять здешних жителей, — пояснил Прончищев.

В устье реки Оленека было очень много рыбы. Промышленники, которые здесь жили, ели ее в разных видах. Зимой они замораживали сырую рыбу и потом строгали ее тонкими ломтиками.

— Строганина и против болезни помогает, — говорили они. Действительно, это кушанье до некоторой степени предохраняло от цынги.

Местные жители делали на зиму большие запасы морошки и других ягод. Ягоды заливали рыбьим жиром, и это блюдо считали хорошим средством против цынги. Но особенно полезно было, по их мнению, пить свежую оленью кровь и есть оленье мясо; даже люди, уже заболевшие цынгой, излечивались оленьей кровью.

Лейтенант Прончищев и его команда могли питаться свежей пищей: рыбы было много, оленей можно было достать у

якутов и эвенков, которые кочевали в полутораста километрах от устья Оленека.

Для команды «Якутска» зимовка прошла сравнительно благополучно. Правда, жизнь в темных и дымных избах повлияла на здоровье самого Прончищева, его жены и некоторых матросов: у них пожелтели лица, появились слабость и вялость. Но болезнь не успела развиться. Когда наступило лето 1736 года, команда «Якутска» была готова продолжать плавание.

В 1736 году река Оленек вскрылась довольно поздно, 21 июня. Залив, в который она впадает, еще долго был забит льдом. Только 3 августа «Якутск» смог выйти в море.

Ветер был попутный, и уже через два дня дошли до устья большой реки Анабары.

Прончищев решил описать устье Анабары и начал делать промеры. В то же время он послал геодезиста Чекина вверх по реке искать руду, которая, по слухам, была в тех местах.

Чекин через несколько дней вернулся и привез образец какой-то породы. Впоследствии, когда образец доставили академику Гмелину для исследования, оказалось, что это сера. Чекин рассказывал, что видел горячую землю, из которой местами сквозь щели шел дым.

— Будто пожар под землей, — говорил Чекин.

Сообщение Чекина выслушали с недоумением.

И только многие годы спустя геологи подтвердили и объяснили его рассказ. Под землей действительно был пожар — горели пласты каменного угля.

Шесть дней простоял «Якутск» в устье Анабары и, подгоняемый тихим попутным ветром, пошел дальше.

По морю носились льдины, и «Якутск» пробивался между ними с большим трудом. Через четыре дня увидели широкую реку, впадающую в залив с крутыми голыми берегами.

«Якутск» вошел в залив. На западном берегу видна была небольшая избушка. В избушке не нашли людей, хотя и видно было, что хозяева недалеко: около избы бегали собаки, в избе лежал хлеб.

Прончищев не стал задерживаться и пошел дальше на северо-запад.

17 августа большие льдины стали встречаться все чаще, «Якутск» с трудом находил проход между ними.

«Через великую нужду шли», записал Прончищев.

Погода была холодная и пасмурная. Лейтенант Прончищев,

не обращая внимания на усталость, почти все время проводил на палубе, следя за льдами. Цынга, первые признаки которой он почувствовал во время зимовки, возобновилась с новой силой.

19 августа подошли к ледяному полю, тянувшемуся от самого берега далеко в море. Прончищев попытался его обойти, взяв курс на север.

На льду было много белых медведей. Нередко медведь, заметив судно, направлялся к нему и, подойдя к краю льдины, с любопытством рассматривал его, вытянув шею. Видно было, что медведи здесь никого не боятся.

— Словно хозяева расхаживают, — говорили матросы про медведей, которые не спеша, вразвалку ходили по ледяному полю.

Прончищев надеялся, что он сможет обойти лед, стоявший у берегов.

Но небольшое пространство чистой воды на севере начало быстро сокращаться.

— Слева гладкий стоячий лед, справа льды носячие. Попали в самые глухие льды и конца им видеть не могли, — рассказывали потом спутники Прончищева.

Определили широту. Оказалось, что судно уже зашло довольно далеко на север: оно достигло $77^{\circ} 29'$ северной широты.

Прончищев созвал корабельный совет. Совет признал, что плавание продолжать невозможно и надо возвращаться назад.

«Якутск» дошел до восточной стороны Таймырского полуострова и был недалеко от северной его оконечности — мыса Северо-восточного. Но он не смог обогнуть его, как не смогли это сделать и спутники лейтенанта Овцына Минин и Стерлегов, которые подходили к этому полуострову с западной стороны.

Лейтенант Прончищев сделал все, что мог. Он обследовал места, где до него не был ни один моряк. Но его маленькое судно не могло преодолеть ледяную преграду.

На совете решили идти назад. Однако оказалось, что это решение нелегко осуществить: льды едва не затерли судно.

20 августа мороз усилился. Льды стали стягиваться вокруг судна.

Ветер утих, и несколько часов шли на веслах. Потом опять подул ветер и раздвинул льды, преграждавшие путь судну. Удалось поставить паруса.

Прошло еще три дня в борьбе со льдами, пока дошли до устья Хатанги. Большой Прончищев с трудом переносил то постоянное напряжение, в котором приходилось жить в эти дни. Преодолевая слабость, он старался держаться на ногах. Силы его падали. Штурман Челюскин должен был заменять командира.

25 августа подошли к устью Оленека.

Изнуренные холодом и непосильным трудом, люди с радостью увидели знакомые берега. Но им не скоро удалось ввести судно в залив. Дул сильный противный ветер, падал густой снег, снасти обмерзли.

Дни шли за днями, а волны всё отбрасывали судно от залива.

29 августа лейтенант Прончищев умер. Обессилевшие матросы едва стояли на ногах от усталости.

Только 2 сентября Челюскин ввел судно в устье Оленека. По реке уже несло лед. «Якутск» дошел до своей прошлогодней стоянки и стал на якорь.

На восточном берегу Оленека, недалеко от того места, где река впадает в море, стоит невысокий утес Тумуль-Кай. Около этого утеса вырыли могилу и опустили в нее тело лейтенанта Прончищева.

Через несколько дней умерла и его жена.

— Похороните меня с сострадальцем моим, — попросила она перед смертью.

Ее похоронили в одной могиле с лейтенантом Прончищевым.

Капитан-командор Беринг был еще в Якутске, когда получил рапорт Челюскина о смерти Прончищева. Беринг стал думать, что делать дальше.

Лейтенант Ласиниус погиб с большей частью своей команды, отойдя недалеко на восток от устья Лены. Лейтенант Прончищев после трудного плавания едва вывел свое судно из льдов и умер от цынги. Следовало ли возобновлять их попытки и вновь посылать в плавание бот «Иркутск» и дубель-шлюпку «Якутск»?

В Якутске находились в то время несколько морских

Белый медведь.

офицеров, участников экспедиции, и академики Гмелин и Миллер. Капитан-командор пригласил их на совет.

— Ежели пойдут те дубель-шлюпка и бот в плавание и не пройдут и от льдов получают себе повреждение или паче и совсем пропадут, тогда взыщется на нас: чего ради без указа отправили и потеряли напрасно? — говорил Беринг на совете.

Решили временно приостановить экспедицию на запад и на восток от Лены и запросить адмиралтейств-коллегию.

Летом 1737 года дубель-шлюпка «Якутск» пришла из устья Оленека к городу Якутску. Здесь команда судна осталась ждать решения адмиралтейств-коллегии о дальнейшей судьбе экспедиции.

ГЛАВА VI

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕЙТЕНАНТА ХАРИТОНА ЛАПТЕВА

В конце ноября 1737 года адмиралтейств-коллегия получила пакет, присланный почтой из Якутска. Секретарь коллегии вскрыл печати и вынул донесение капитан-командора Беринга.

Беринг писал, что он созывал на совет ближайших своих подчиненных. Флотские офицеры и академики Миллер и Гмелин обсудили рапорты лейтенанта Лаптева и штурмана Челюскина о встреченных в плавании тяжелых льдах. Принимая во внимание опасность плаванья, смерть от цынги лейтенанта Ласиниуса с большей частью команды и лейтенанта Прончищева, совет вынес постановление: впредь до решения адмиралтейств-коллегии корабли в плавание по океану от устья Лены не посылать.

Секретарь передал донесение Беринга президенту коллегии адмиралу Головину.

— Потери, точно, тяжелые и весьма прискорбные. Но ежели бросить дело, до конца не доведя, смерть и труды наших моряков останутся вовсе втуне. И как можно говорить, что нельзя-де пройти далее теми местами, до коих еще не доходили? — сказал Головин.

Адмиралтейств-коллегия постановила:

«Проводить те экспедиции и в другое и в третье лето без малейшего потерянния удобного времени. А буде какая возможность в третье лето во окончание привести не допустит, то и в четвертое лето».

Нужно было назначить вместо погибшего Прончищева другого командира. Предстояло найти человека, которому можно было поручить дело трудное, длительное и смертельно опасное. И такой человек нашелся.

Это был мичман Харитон Прокофьевич Лаптев, двоюродный брат лейтенанта Дмитрия Лаптева, ставшего командиром дубель-шлюпки «Иркутск» после смерти Ласиниуса.

Харитон Лаптев происходил из небогатой семьи и сам должен был прокладывать себе дорогу в жизни. Он был моряком знающим, настойчивым и дельным. Но перед начальством Харитон Лаптев не умел выдвигаться и медленно повышался в чинах. Восемь лет пробыл Харитон Лаптев гардемаринном и одиннадцать — мичманом.

Он окончил Морскую академию еще в 1718 году и только в 1737 году за выслугой лет должен был стать лейтенантом. Как раз в это время он и подал заявление в адмиралтейств-коллегию с просьбой назначить его в экспедицию на корабль, совершающий плавание по Ледовитому океану.

Адмиралтейств-коллегия удовлетворила его просьбу. Харитон Лаптев получил чин лейтенанта и был назначен командиром дубель-шлюпки «Якутск».

Якутскому воеводе был послан указ содействовать экспедиции Лаптева. Казаки, выезжавшие из Якутска собирать ясак, должны были предупредить якутов, живших на побережье Ледовитого океана, чтобы они всячески помогали экспедиции, давали оленей и выполняли поручения лейтенанта Лаптева. Предписывалось построить в разных местах на побережье склады с провизией.

Лейтенант Харитон Лаптев взял с собой новые паруса, канаты и прочее снаряжение для дубель-шлюпки.

Только летом 1738 года прибыли в Якутск предназначенные для экспедиции Лаптева грузы. Дубель-шлюпка «Якутск» могла выйти в плавание в 1739 году.

С лейтенантом Харитоном Лаптевым отправлялись в плавание и спутники Прончищева — штурман Челюскин и геодезист Чекин. Лаптев должен был повторить плавание Прончищева и довести его экспедицию до конца: обогнув Таймырский полуостров, дойти до устья Енисея.

Летом 1739 года Харитон Лаптев постарался выйти возможно раньше из Якутска. Однако дойти до устья Лены удалось только в середине июля.

Прончищев в 1735 году вышел в океан восточным рука-

вом Лены, Быковской протокой. Лаптев выбрал западную, Крестецкую протоку, еще никем не исследованную. Он сделал необходимые промеры и описал этот рукав Лены:

«Идет низкими берегами, разную глубиною, от 6 до 8 сажен. На островах около тех проток кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озерам мелким. Они ж, якуты, промышляют песцов белых и голубых через всю зиму. Ездят на собаках. На полях около протоки трава низкая и иссохшая и мох. А где по мокрым местам, есть трава зеленая, невысокая».

В Ледовитый океан Харитон Лаптев вышел 21 июля, на три недели раньше, чем Прончищев в 1735 году.

Океан встретил Лаптева так же неприветливо, как и Прончищева.

Месяц шел Лаптев на запад, борясь со льдом. Несколько раз льдины сдавливали судно так, что оно было на краю гибели.

«Спасение с великим трудом получили», записывал Лаптев.

Шли вперед то на парусах, то на веслах. Иногда отталкивали льдины шестами. Если льды начинали смерзаться, откалывали лед вдоль бортов пешнями.

Наконец 21 августа подошли к мысу Фаддея, на восточном берегу Таймырского полуострова, и вошли в залив.

Лаптев описал залив и мыс:

«На нем местами камень белый, подобный алебастру. Земля — глина и изредка мох, неудобный к оленьему корму».

У мыса Фаддея Лаптев заметил стаю морских живогных, достигавших 5 метров длины и по форме тела похожих на маленьких китов.

Они выставляли из воды морду, слегка напминавшую коровью, и кувыркались. Тогда на поверхности моря показывалось неуклюжее белое тело и хвост, раздвоенный, как у рыбы.

«У сего мыса стоя, видели морских зверей, великих собою, подобных рыбе — шерсть маленькая, белая, яко снег, рыло черное. По-здешнему называют белуха», записал Харитон Лаптев.

Лаптев хотел продолжать плавание к западу, но не мог этого сделать.

— От сего мыса простирался лед стоячий, не ломаный, — вспоминал он впоследствии.

Белуха.

Надо было выбрать место для зимовки.

Берег около мыса Фаддея оказался неудобным для этого: слишком мало было плавника, а без топлива нельзя было оставаться зимовать.

Пришлось пройти несколько назад, в Хатангскую губу. Судно поставили на зимовку. На берегу нашли зимовье промышленника, который жил здесь, охотясь на песцов и оленей. Рядом выстроили еще избу.

Предписание построить склады припасов на побережье Ледовитого океана, посланное из Петербурга якутскому воеводе, не было выполнено. В Петербурге плохо представляли себе расстояние от Якутска до Ледовитого океана и трудности передвижения по его побережью.

Но Лаптев взял достаточный запас провизии из Якутска.

Недалеко от устья Хатанги жили тунгусы, как тогда называли эвенков. У них можно было приобрести оленей. Лаптев послал через них донесение и письма: на восток в Якутск и на запад в Туруханск, город, расположенный на реке Енисее, куда Лаптев надеялся дойти в будущем году.

У жителей севера, кочующих по тундре, был особый способ передавать вести и пересылать посылки на большое расстояние. Они ехали до ближайших соседей, кочевавших за несколько десятков, а иногда и за сотню километров. По обычаю тундры, их принимали гостеприимно. Потом гости возвращались к себе, а хозяева, в свою очередь, запрягали оленей и ехали к соседям, чтобы передать поручение дальше.

Сборщики ясака, уезжавшие иногда за тысячу километров от Якутска, довольно быстро пересылали донесения в Якутск, пользуясь этой своеобразной почтой.

Этот способ оказался достаточно надежным: пакеты дошли благополучно.

Лаптев близко познакомился с эвенками и вкратце описал их быт:

«Оружие их лук с стрелами да полоса, яко нож, в аршин долгий одного железа, да копье... Одеяние короткое и из оленьей кожи. Нужнейшие инструменты и легкие кузницы с собой возят и свои вещи сами куют надобные. Палатки у них называются чум, из оленьих кож, зимние с шерстью, летние из ровдуг. Натягивают на шесты, которые с собой возят».

Лаптеву понравился этот народ — живой, подвижный, ловкий и гостеприимный.

— Мужеством и человечеством и смыслом тунгусы всех кочующих, в юртах живущих, превосходят, — говорил Лаптев.

11 ноября солнце скрылось и показалось только 25 января.

Но и самые трудные зимние месяцы команда перенесла благополучно: от цынги не погиб никто. Харитон Лаптев писал впоследствии, что все народы, живущие на берегу Ледовитого океана, едят сырую мерзлую рыбу и оленье мясо, считая эту пищу первым средством против цынги. Он сам и его команда питались так же.

Наступила весна 1740 года.

Лаптев знал, что судно не сможет выйти в плавание раньше конца июня или начала июля. И чтобы не терять времени, он отправил геодезиста Чекина для обследования берега.

В конце марта Чекин выехал на собаках в сопровождении солдата к устью реки Таймыра, а оттуда должен был отправиться к западу по берегу океана до устья Пясины.

На семи нартах был погружен провиант для людей и корм для собак. С Чекиным отправились в путь и двое эвенков с оленями. На оленях везли топливо, опасаясь, что на берегу Таймырского полуострова не будет плавника.

Оленей можно было употребить в пищу, если нехватит провианта. Но на пути оказалось очень мало мха, пригодного для корма оленям. Семь оленей пало от голода, и эвенки скоро вернулись назад.

В середине мая вернулся обратно и Чекин. Он пришел пешком, исхудавший и ослабевший.

— Не чаял и живым вернуться, — сказал он Лаптеву.

Оказалось, что большая часть его собак погибла от голода, а остальные были не в силах тащить нарты.

— Ездил до реки Таймыр, и от нее около моря по морскому берегу к западу около ста верст, где уж земля пошла

Тунгус. (С гравюры XVIII века.)

к югу. А далее затем не поехал, что себе провианта и собакам корма стало совсем мало, — рассказывал Чекин.

Лаптев начал готовиться к плаванию. Осматривали снасти, чинили паруса. Но в команде, уже перенесшей изнурительное и опасное плавание среди льдов прошлым летом, начался ропот.

«Говорили неистовые и нерегулярные слова», писал впоследствии Лаптев.

Лейтенанту пришлось поддерживать дисциплину строгими наказаниями.

Наконец «Якутск» был готов к плаванию. Льды долго не позволяли выйти из реки в море.

12 июля 1740 года вышли в залив, в который впадает Хатанга. Он тоже был забит льдом. Целый месяц прошел в тяжелой борьбе со льдами, прежде чем удалось выйти из Хатангского залива.

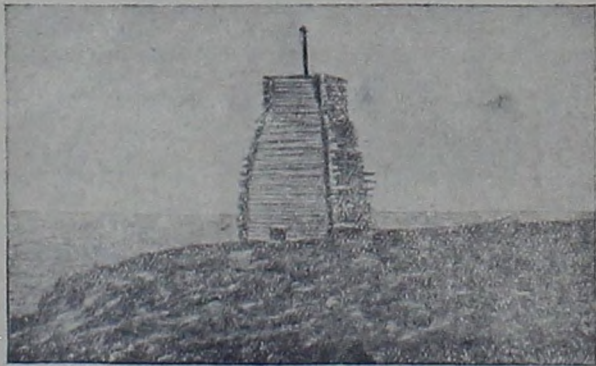
13 августа судно попало во льды. Удары льдин были так сильны, что «Якутск» получил несколько пробоин. Судно зажалось льдами и понесло на север.

Наступила страшная ночь. Вода заливала дубель-шлюпку, дул холодный ветер, шел густой снег. Команда целую ночь отливала воду и заделывала пробоины.

К утру судно глубоко осело. Лаптев распорядился выгрузить часть провианта на лед. Все время отливали воду, надеясь спасти судно.

К вечеру 14 августа льды опять тронулись и понесли «Якутск».

Лаптев спешно созвал корабельный совет. На совете все говорили, что на сохранение судна слишком мало надежды и надо думать о спасении команды.

Остатки маяка, поставленного лейтенантом Лаптевым на берегу Ледовитого океана.

Решили сойти с «Якутска» и пешком по льду пробираться к берегу. До земли было около двадцати пяти километров. Полтора дня шли до берега по льду, карабкаясь на торосы и выбиваясь из сил. Наконец 16 августа добрались до земли, развели огонь, высушились и немного согрелись. Построили из плавника избушку, более похожую на юрту, чем на дом.

Запасы провианта были сложены в двадцати пяти километрах от берега. Надо было на себе перетаскивать этот груз на землю.

У некоторых матросов опустились руки.

— Все равно пропадем. Будем ли работать, не будем ли, спасения не получим. Скорей бы конец, — говорили они.

Эти люди, несомненно, составляли меньшинство команды. Но их пример мог подорвать мужество у тех, кто сохранял бодрость в опасном и тяжелом положении.

По морскому уставу, заслушание полагалось наказание кошками — плетью с узелками на концах ремешков.

Лаптев решил применить это наказание и принудить малодушных сделать то, что необходимо было для спасения всей команды и их собственной жизни.

30 августа льдину с остатками провианта унесло далеко в море.

Лаптев повел команду к месту прежней зимовки на реке Хатанге. Путь был очень трудный.

— И в том пути от великих стуж и метелиц и от пустоты претерпевали великую трудность, и едва не все были одержимы цынготною болезнью, от которой несколько служителей померло, — вспоминал впоследствии Лаптев.

В середине октября добрались до изб, в которых жили прошлой зимой. Здесь остались пережидать зиму.

Дубель-шлюпка «Якутск» погибла, унесенная льдами. Но Харитон Лаптев решил продолжать работу экспедиции.

Если невозможно дойти до устья Енисея морем, следовало пройти этот путь сушей, чтобы описать очертания берега, нанести на карту мысы и заливы. Для такой экспедиции не нужна была вся команда «Якутска».

Мох ягель.

Весной Лаптев достал оленей и собак у кочевавших к западу от Хатанги ненцев и отправил большую часть команды в город Туруханск, расположенный на Енисее.

По плану Лаптева, обследовать побережье Таймырского полуострова должны были трое: геодезист Чекин, штурман Челюскин и он сам.

Геодезисту Чекину предстояло описать путь от Хатанги по берегу Ледовитого океана на запад, до устья реки Таймыра. Он выехал 22 апреля 1741 года, взяв с собой одного солдата и одного якута.

Стояли солнечные дни. Снег покрылся твердой коркой — настом, по которому легко скользили нарты. Но иногда снег подтаивал под солнечными лучами, делался мягким и липким. Нарты с трудом продвигались вперед.

В первые дни ехали благополучно. Затем случилась беда. Весенние лучи ярко освещали снежную равнину. Снег блестел и, казалось, искрился, как будто там и сям были разбросаны мелкие бриллианты. И от этого яркого света у путников стали уставать глаза.

— Точно серые пятнышки перед глазами мелькают, — пожаловался как-то Чекин.

А еще через несколько дней на глаза его вдруг опустилась густая серая пелена. Она закрыла и белые сугробы, и нарты, и собак.

— Ослеп, братцы, — сказал Чекин, чувствуя острую боль в глазах.

Пришлось возвращаться назад, не доехав до самой северной точки Таймырского полуострова.

Обратный путь был очень тяжел. У обоих спутников Чекина тоже заболели глаза, и они почти потеряли зрение. Все они заболели тяжелой болезнью — снежной слепотой.

Эта болезнь поражает обычно путешественников, не позаботившихся защитить глаза от солнечного света. Темные очки или хотя бы козырек над глазами могут предохранить от этой болезни. Слепота эта проходит, если больной во-время завяжет глаза и останется довольно долго в темноте.

Штурман Челюскин в середине марта отправился в путь, взяв с собой двух солдат. Прежде чем начать описывать побережье, он решил поехать от Хатанги прямо на запад к устью реки Пясины. Здесь находился склад провианта, построенный еще год тому назад по приказу туруханского воеводы.

Лаптев предполагал воспользоваться им во время плавания летом 1740 года. Но судно Лаптева погибло, прежде чем удалось обогнуть северную оконечность Таймырского полуострова.

Таким образом, предполагалось описать берег Таймырского полуострова, ведя работу с двух сторон: Чекин шел с востока на запад, а Челюскин с запада на восток.

Внезапная слепота заставила Чекина вернуться назад.

Челюскин доехал до Пясины и двинулся оттуда на восток. Но корм для собак кончился раньше, чем он прошел намеченный путь. Пришлось вернуться назад. Ему тоже не удалось пройти весь намеченный путь.

Лаптев 24 апреля выехал к устью реки Таймыра, откуда он хотел вести опись побережья.

Двенадцать дней ехал Лаптев через Таймырский полуостров до устья реки Таймыра. Апрельское солнце пригревало снег, из-под которого местами уже показывались кочки, покрытые мхом или прошлогодней увядшей травой. Однако время от времени начинались метели, снег кружился в воздухе и залеплял глаза людям и собакам.

6 мая Лаптев подъехал к устью реки Таймыра. На берегу Таймырской губы виднелась небольшая избушка, сложенная из кривых стволов плавника.

Согнувшись, чтобы не стукнуться о потолок головой, Лаптев вошел в жилище, стены которого почернели от дыма и копоти. Посреди избушки был сложен очаг, а над ним в потолке сделано отверстие для дыма.

Это было зимовье, в котором жил якут, промышлявший песцов и рыбу.

— Против того зимовья рыбы довольно число состоит: чирь, муксуны, кунжа, нельма, омули, — вспоминал впоследствии Лаптев.

Харитон Лаптев определил долготу и широту устья Таймыра и поехал по берегу океана на восток. Но и у него разболелись глаза, как у Чекина. Вскоре Лаптев вынужден был вернуться в зимовье и прожил там несколько дней, дожидаясь, когда перестанут болеть глаза.

Затем он поехал берегом уже не на восток, а на запад, к устью Пясины, навстречу Челюскину. По пути он делал астрономические наблюдения, определяя широту и долготу.

1 июня Лаптев увидел Челюскина, ехавшего на исхудав-

Город Мангазея. (С гравюры начала XVIII века.)

ших и усталых собаках. Челюскин повернул собак и вместе с Лаптевым поехал назад, к устью Пясины.

Харитон Лаптев мог сказать, что весна 1741 года не была проведена напрасно.

Чекин обследовал часть восточного берега Таймырского побережья.

Челюскин и Лаптев описали берег между устьями рек Пясины и Таймыра.

Лаптев ознакомился и с рекой Таймыром. Он писал впоследствии, что эта река вытекает из Таймырского озера и в ее верховьях есть «камень аспид».

Лаптев вкратце описал местность, по которой протекает река Таймыр:

«Земля обычная здешняя: мало травы, больше мху оленьего, белого, чего ради с мая месяца здесь в лето бывает великое множество диких оленей, которых стада бывают по тысяче».

Однако самая северная часть полуострова оставалась необследованной. И до тех пор, пока опись побережья Таймырского полуострова не была закончена, Лаптев не мог вернуться в Петербург.

Осень и часть зимы Лаптев и Челюскин провели в Туруханске, который тогда чаще называли Новой Мангазеей, в отличие от старинного города Мангазеи, уже упраздненного в то время.

Город Мангазея, основанный еще в 1601 году на реке Тазе, был широко известен в XVII веке. Поморы ради прибыльной торговли с остяками и ненцами совершали длинное и трудное плавание, перебираясь через полуостров Ямал в Тазовскую губу, чтобы попасть в Мангазею. В конце XVII века Мангазею упразднили. Мангазейские воеводы переехали южнее, в Туруханское зимовье, при впадении реки Туруханки в Енисей.

Здесь и была построена Новая Мангазея, или город Туруханск.

Подъезжая к Туруханску, Лаптев и Челюскин увидели деревянные башни, обнесенные бревенчатыми стенами. Башни потемнели и покосились от времени.

— Эта крепость только тем и сильна, что ей не угрожают никакие враги, — сказал академик Гмелин, побывавший в Туруханске незадолго до Лаптева и Челюскина.

В Туруханске было всего около семидесяти изб, в которых жили по преимуществу сибирские казаки и пришлые люди, почему-либо желавшие поселиться как можно дальше от тех мест, где их знали.

— Люди набродные из русских городов, с паспортами просроченными и вовсе беспаспортные, — говорил о них впоследствии Лаптев.

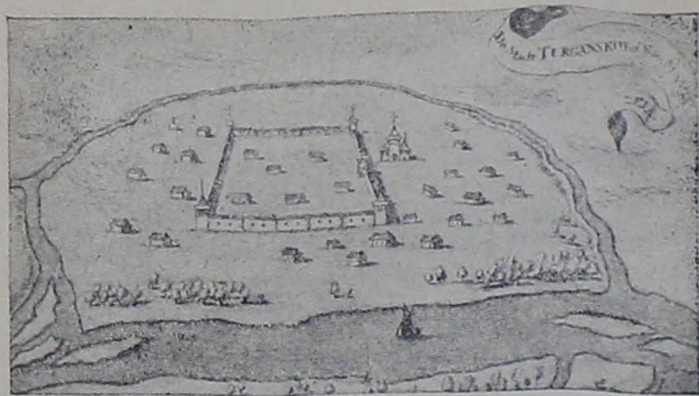
В Туруханске Лаптев и Челюскин отдыхали недолго. Они скоро стали готовиться к продолжению экспедиции.

В декабре Челюскин выехал из Туруханска на Хатангу. Больше двух месяцев ехал он по снежной пустыне, перенося жестокие морозы и метели. В конце февраля Челюскин добрался до устья Хатанги и, отдохнув, отправился в путь, чтобы закончить работу, которую не смог в прошлом году довести до конца заболевший Чекин.

Продвигаясь на северо-запад по побережью Таймырского полуострова, он описывал заливы, мысы и небольшие островки, которые были видны с берега. Он обращал внимание на то, каков берег: высокий или низкий, каменистый или глинистый.

В начале мая 1742 года Челюскин был уже недалеко от крайней северной точки Таймырского полуострова, мыса Северо-восточного.

В это время случилось небольшое приключение. Собаки почуяли свежий медвежий след, шедший от берега по льду океана. Они бросились вперед по следу.

Туруханск. (С гравюры начала XVIII века.)

Челюскин и сопровождавший его солдат не сдерживали собак: медвежье мясо было хорошей пищей.

Только в восемнадцати километрах от берега удалось настичь четырех медведей. Одного из них убили, остальные убежали.

Наконец настал долгожданный день: Челюскин добрался до самого северного мыса на Таймырском полуострове.

Оказалось, что это невысокий каменистый кряж, довольно далеко протянувшийся в море.

«Сей мыс каменный, прирый, высоты средней. Около него льды гладкие и торосов нет», отметил Челюскин в путевом журнале.

На берегу поставили знак на память об этом событии: врыли стоймя в землю бревно, которое нарочно для этой цели привезли с собой.

Обогнув мыс Северо-восточный, Челюскин поехал дальше на запад, описывая берег.

Между тем Харитон Лаптев выехал из Туруханска к устью реки Таймыра. Отсюда он хотел идти навстречу Челюскину, производя опись берега. Добравшись в начале мая до устья Таймыра, Лаптев увидел, что запасы провизии у него недостаточны для дальнейшей поездки. Он решил вернуться,

отправив навстречу Челюскину солдата на нартах с припасами.

15 мая Челюскин встретил солдата и благополучно закончил свое путешествие.

Мыс Северо-восточный, описанный Челюскиным, носит теперь его имя.

В июле 1742 года Лаптев и Челюскин вернулись в Туруханск.

С 1735 года, когда штурман Челюскин и лейтенант Прончищев вышли в плавание на дубель-шлюпке «Якутск», прошло семь лет. Лейтенант Прончищев умер от цынгги и лишения. Дубель-шлюпка «Якутск» погибла во льдах. Челюскину за это время приходилось не раз переносить тяжелые лишения, морозы, жесточайшие снежные метели на пустынном берегу Ледовитого океана. Смерть не раз подходила совсем близко.

Медленно, но упорно обследовал он вместе с лейтенантом Харитоном Лаптевым берег Таймырского полуострова и первый достиг самой северной его точки.

Они закончили дело, ради которого погиб Прончищев. Харитон Лаптев и Челюскин недолго оставались в Туруханске. Осенью они выехали в Енисейск, а оттуда в Петербург.

Заслуги Челюскина и Харитона Лаптева не были отмечены адмиралтейств-коллегией.

Вскоре после своего возвращения штурман Челюскин был зачислен в мичманы, затем долго «исполнял должность лейтенанта», пока наконец адмиралтейств-коллегия не утвердила его в этом чине.

В дальних плаваниях ему не пришлось больше участвовать. Опыт, приобретенный им в полярном плавании, остался неиспользованным.

Лейтенант Харитон Лаптев после возвращения из Сибири командовал разными судами, плававшими в Балтийском море. Только через девять лет ему дали следующий чин — капитан-лейтенанта. Затем он начал довольно быстро повышаться по службе. В 1762 году он получил значительную должность оберштер-кригс-комиссара флота, которую за несколько лет до него занимал Овцын. В следующем году он умер.

Вскоре после возвращения из Сибири Лаптев составил описание побережья Ледовитого океана от Лены до Енисея. Таким образом он как бы подвел итоги своего путешествия.

Мыс Челюскин.

«Для известия потомкам», объяснил Лаптев цель своей работы в рапорте, при котором передал рукопись в адмиралтейств-коллегию.

Лаптев писал не только об очертаниях берегов и глубине заливов. Он сообщил краткие, но тогда во многом совершенно новые сведения о реках Лене, Оленеке, Анабаре, Хатанге, Таймыре, Пясине и Енисее. Вкратце он передал и некоторые свои наблюдения над бытом «кочующих народов у северных мест» — рассказал о якутах, эвенках, ненцах.

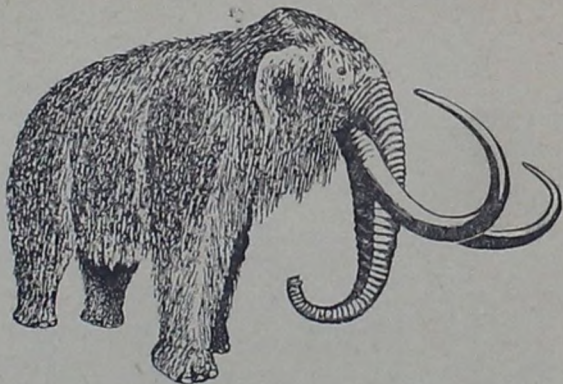
Харитон Лаптев старался отметить все, что казалось ему примечательным.

На Таймырском полуострове, так же как в других местах сибирского побережья Ледовитого океана, часто встречались клыки и кости мамонта.

И Харитон Лаптев записал то, что ему удалось узнать о мамонтах:

«А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обеими рогами. На них кожа толщиной в пять дюймов, а шерсть и тело истлелые».

Лаптев принимал за рога клыки мамонта. Подобно многим

Мамонт.

жителям Сибири того времени, часто находившим клыки мамонта на побережье, он думал, что мамонты живут в глубине моря.

«Сей зверь мамонт есть, мнится, быть и ныне в море северном на глубоких местах; понеже случалось по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не врослые, о которых уповательно: волнами выбивает».

Лаптев старался добросовестно описать то, что удалось узнать. И если он иногда ошибался, то за это, разумеется, нельзя его винить.

Мы, к сожалению, мало знаем о самом Лаптеве. О нём, как и о других участниках Великой северной экспедиции, нам приходится судить главным образом по его делам.

Записи в путевом журнале Лаптева обычно коротки и сухи. То же можно сказать про его описание побережья между Леной и Енисеем. Но сквозь скупые строки виден все-таки сам Лаптев.

Это был смелый моряк и разносторонний наблюдатель, человек, выполнявший свой долг, несмотря ни на какие опасности.

ЛЕЙТЕНАНТ ДМИТРИЙ ЛАПТЕВ

В 1736 году город Якутск был необыкновенно оживлен. Почти в каждой избе жили прибывшие издалека морские офицеры или матросы и солдаты.

Капитан-командор Беринг с большей частью своей команды надолго задержался в Якутске по пути в Охотск, откуда он должен был выйти в плавание к берегам Америки. В ожидании, пока в маленьком Охотске построят дома для команды и завезут туда провиант, Беринг и его офицеры оставались в Якутске. Здесь же находились академик историк Миллер, изучавший старинные рукописи в якутском архиве, и академик Гмелин, собравший богатые коллекции сибирских растений и писавший о них большой ученый труд.

Офицеры старались не скучать и, казалось, не думали об опасностях предстоящего плавания. Капитан Беринг, приехавший в Якутск с женой, нередко устраивал у себя званые обеды. Молодые офицеры коротали время на пирушках и варили грог, беспечно прибавляя к горячему вину драгоценный противоцинготный лимонный сок, который привезли с собой из Петербурга.

И вдруг получилось известие, сразу напомнившее морякам о предстоящих опасностях.

Лейтенант Ласиниус, которого год тому назад все они провожали из Якутска, погиб от цынги. Его бот «Иркутск» не мог выйти в плавание, так как некому было им управлять.

Капитан-командору Берингу пришлось назначить нового командира и новую команду для судна. Вместо Ласиниуса был послан уже немолодой лейтенант Дмитрий Лаптев.

— Офицер доброревностный, — отзывались о Лаптеве люди, его знавшие.

И действительно, это был опытный моряк и человек, на которого можно было положиться. Лейтенант Дмитрий Лаптев был осторожен и заранее взвешивал предстоящую опасность. Но, раз взявшись за дело, он упорно шел вперед, даже тогда, когда имел мало надежды на успех.

В Якутске не было ни одного судна, пригодного для плавания по Ледовитому океану. Поэтому новую команду бота «Иркутск» пришлось отправить вниз по Лене на дощениках.

В конце июня 1736 года Лаптев достиг устья Лены. Вый-

ти в море на дощениках было невозможно. Лаптев вынужден был двинуться к устью реки Хариулах по берегу моря.

Здесь он нашел бот «Иркутск» и привел его в порядок для предстоящего плавания.

Через месяц судно вышло в море и пошло к устью Лены, чтобы взять провиант, который оставался на дощениках. Потом повернули назад и занялись обследованием морского пути на восток от Лены.

Уже через несколько дней у мыса Буор-Хая непроходимые льды преградили путь.

«Иркутск» в это время находился около того места, где в прошлом году льды остановили Ласиниуса. В продолжение суток пытались идти вперед, расталкивая льдины шестью, все время опасаясь, как бы льды не раздавили бот.

Лаптев был отважный моряк. Но положение было настолько опасно, что впоследствии он вспоминал:

— Непрестанно пребывали в великом страхе.

Наконец 14 августа Лаптев созвал корабельный совет.

На совете решили, что дальше идти нельзя.

Зная, что и в прошлом году льды тоже не позволили пройти далеко, постановили:

«И на предбудущий год на море не выходить, понеже к приходу до реки Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды».

Конечно, это решение должно было получить утверждение адмиралтейств-коллегии. Своей властью прекратить экспедицию не имел права не только Лаптев, но и капитан-командор Беринг.

«Иркутск» повернул на запад и вошел в реку Лену. Но до Якутска этой осенью дойти не удалось: наступили холода, и пришлось стать на зимовку, достигнув 70° 40' северной широты.

На берегу Лены поставили пять юрт. Зимой мерзли и болели цынгой. По совету бывших в команде сибиряков, лечились от цынги отваром хвои кедровника, который рос поблизости.

Цынгу перенесли сравнительно благополучно: из всей команды умер только один человек.

Летом 1737 года бот «Иркутск» пришел в Якутск. Лейтенант Лаптев не стал здесь задерживаться. Он взял с собой журналы плавания и выехал в Петербург, чтобы сделать доклад адмиралтейств-коллегии.

В январе 1738 года Лаптев приехал в Петербург. На следующий день после приезда он явился в адмиралтейств-коллегию.

Подъезжая в извозчичьих саниах к большому двухэтажному дому адмиралтейств-коллегии, Лаптев испытывал сложное чувство.

Когда он командовал ботом, совершавшим опасное плавание по Ледовитому океану, все было яснее и проще. Лаптев один отвечал за целостность корабля и жизнь команды. Но зато он знал четко, какие опасности угрожают судну, и от него самого зависело принять нужное решение.

Теперь Лаптев готовился сделать рапорт о своем плавании. Он должен был объяснить причины, по которым на корабельном совете на боте «Иркутск», а затем на совете, созванном Берингом в Якутске, было решено приостановить экспедицию на восток от устья Лены. Но он знал, что здесь решения не зависят от него.

Для адмиралов и капитан-командоров, членов адмиралтейств-коллегии, он был только один из многих лейтенантов, служивших в российском флоте, а его экспедиция — одно из многих дел, которыми они распорядились. И, входя в дом адмиралтейств-коллегии, Лаптев чувствовал себя менее уверенным, чем на корабле, плывущем по Ледовитому океану.

Новый дом адмиралтейств-коллегии на Преображенском острове был битком набит подчиненными ей учреждениями. Лаптев прошел мимо обер-сарваерской конторы, ведавшей постройкой судов, цалмейстерской, производившей выплату жалованья служащим флота, контролерской, провиантской, артиллерийской, вальдмейстерской, в ведении которой находились леса, пригодные для корабельного строительства, и еще каких-то учреждений, обслуживавших флот. Везде за длинными столами сидели писцы и канцеляристы, не обращавшие никакого внимания на приезжего лейтенанта.

Лаптев поднялся на второй этаж и вошел в канцелярию, где под наблюдением секретаря переписывались журналы заседаний адмиралтейств-коллегии.

— А мы от господина капитан-командора Беринга донесение почтой получили. Капитан-командор был в продолжении экспедиции от устья Лены весьма сумнителен. Адмиралтейств-коллегия его сумнительство разрешила и постановила экспедицию продолжать, — сказал секретарь Лаптеву.

— Я сие еще по дороге сюда в Москве узнал. Однако

счел долгом до Санкт-Петербурга доехать и в адмиралтейств-коллегию явиться, дабы господину президенту коллегии рапорт сделать, — ответил Лаптев.

— Ныне же доложу его сиятельству господину президенту о вашем приезде. Завтра утром скажу, когда назначит к нему явиться, — обещал секретарь.

Адмирал Головин уже почти пять лет состоял президентом адмиралтейств-коллегии. Изю дня в день ему приходилось решать и важные и самые мелкие дела.

С адмиралтейств-коллегией случилось то же, что происходило в это время и с другими коллегиями, созданными Петром Первым. Она должна была заботиться о том, чтобы рос и укреплялся российский флот. А для этого надо было уметь выделять самые важные вопросы и не тратить силы на всякие мелочи. В то время еще не научились это делать.

Адмиралтейств-коллегия принимала важное решение, утверждая чертежи новых военных кораблей, и вместе с тем выносила постановление: купить для угощения присутствующих при закладке корабля сорок белых кренделей, шесть бутылок вина белого и красного, перцу одну бумажку, луку зеленого пучок и рыбы.

Коллегия рассматривала цены, по которым подрядчики поставляли провиант для всего российского флота, и в то же время выносила постановления завести на складах кошек «во избежание вящих трат от мышеедения», ассигновав пять рублей, чтобы сперва прикармливать их дешевой рыбой ряпушкой. Понемногу кипы исписанной бумаги начали как будто заслонять флот.

Надев кафтан из тонкого синего сукна с золотым шитьем и прикрепив через плечо широкую красную ленту ордена Александра Невского, Головин каждый день приезжал в адмиралтейств-коллегию. Он выслушивал рапорты, отдавал приказы, подписывал журналы заседаний и променории. Но той энергии, с которой он принялся за дело пять лет тому назад, уже не было.

И многие не без основания считали, что в сущности Головин делает очень мало для дальнейшего роста и укрепления российского флота.

Однако за работами Великой северной экспедиции, начавшейся в первый год его президентства, Головин продолжал внимательно следить. Он попрежнему настаивал на том, что

экспедицию надо довести до конца, несмотря ни на какие препятствия.

Академик Миллер, разбиравший зимой 1736 года архив Якутска, прислал в Петербург выписки из старинных бумаг о плаваниях якутских казаков по Ледовитому океану. Миллеру удалось установить, что в 1648 году якутский казак Семен Дежнев с товарищами доплыл до конца северо-восточного берега Ледовитого океана и обогнул Чукотский нос. Таким образом, Дежнев первый прошел на своем коче проливом между Азией и Америкой. Но ни он сам, ни другие не поняли значения этого открытия. О нем забыли. Только находка Миллера в архиве доказала, что якутским казакам уже удалось однажды совершить плавание, предстоявшее Лаптеву.

Ледовитый океан совсем еще не был изучен. Адмирал Головин не знал, что там летом в разные годы состояние льдов бывает совершенно различно. В тех самых местах, где Дежнев в 1648 году видел чистую воду, другие мореплаватели в течение нескольких лет подряд могли встречать ледяное поле. Прочитав сообщение Миллера, Головин решил, что корабль северной экспедиции сможет пройти путем, по которому плывал Дежнев.

Лаптеву недолго пришлось ждать приема у президента адмиралтейств-коллегии. Головин внимательно выслушал его рапорт. Но когда лейтенант упомянул о том, что в августе 1736 года корабельный совет на боте «Иркутск» решил прекратить бесплодное плавание, Головин сказал с упреком:

— По полученному от профессора Миллера из Якутска известию, еще в давние годы не знающие навигацию люди на судах, почти погибельных, с парусами из оленьих кож, со снастями из ремней, с камнями вместо якорей, в такие же походы морем ходили. Как же сие плавание невозможно для моряков, искусных в навигации, на морских судах, которые безопасными перед оными кажутся?

Лаптев понял, что вопрос о продолжении экспедиции решен бесповоротно.

Адмиралтейств-коллегия дала Лаптеву подробную инструкцию.

Он должен был дойти Ледовитым океаном хотя бы до устья Колымы. Если дальнейшее плавание встретит препятствия непреодолимые, то разрешалось описать берег со стороны суши.

Намечался и другой выход.

Лаптев мог пойти от Колымы к Анадырю не по побе-режью, а через материк. Дойдя до устья Анадыря, Лаптев должен был потребовать у Беринга корабль с Камчатки. На этом судне Лаптев мог подняться от Анадыря к северу, обогнуть северо-восточный угол Азии с востока и дойти до Колымы.

Адмиралтейств-коллегия поняла, что нельзя, будучи в Петербурге, заранее определить весь ход экспедиции. Коллегия отметила, что лейтенант Дмитрий Лаптев «офицер искусный» и «тамошние места знает». Она позволила ему действовать по собственному усмотрению, если он увидит, что необходимо поступить иначе, чем указано в инструкции.

— Дана ему полная властная власть, и руки у него не связываются, — говорили в адмиралтейств-коллегии.

В 1739 году, как только Лена очистилась от льда, бот «Иркутск» снова отплыл из Якутска.

В конце июня дошли до устья Лены. Противные ветры и льды мешали идти вперед, и только 1 августа судно подошло к мысу Буор-Хая.

Здесь, так же как и в 1736 году, льды преградили путь судну. На этот раз за полосой льда была чистая вода. С большим трудом прорубили себе проход во льду и пошли дальше на восток. Бот «Иркутск» шел вдоль невысокого голого берега. С палубы видны были большие отмели, и приходилось держать курс довольно далеко от земли.

18 августа погода резко изменилась: задули сильные северо-восточные ветры, пригнавшие с собой лед. Четыре дня судно медленно продвигалось вперед, борясь с ветром и льдом.

22 августа заметили, что вода в море сделалась более пресной.

— Стало быть, мы против устья большой реки, — сказал Лаптев.

Он был прав. Судно находилось около устья западного рукава Индигирки.

С корабля спустили лодку, чтобы сделать разведку в устье реки. Лодка должна была вернуться в тот же день или на завтра, но она не вернулась.

Шесть дней напрасно ждали. Эти дни нелегко дались команде судна.

— Ветром восточным льдов нанесло множество, в которых днем с трудом на парусах пробавлялись. А ночью всеми

людьми судно охранялось, и непрестанно то поднимали, то опускали якорь, — вспоминал впоследствии Лаптев.

Через шесть дней пошли дальше. Пройдя восемнадцать миль среди льдин, опять остановились, войдя в почти пресную воду.

Нужно было узнать, какая эта река, и попытаться ввести бот в ее устье, чтобы здесь зазимовать.

На судне оставалась еще одна шлюпка. В ней поехали штурман Щербинин с матросом. Они тоже не вернулись на судно.

Между тем льды стали смыкаться вокруг судна. 1 сентября море сплошь покрылось льдом.

Через четыре дня поднялся сильный юго-западный ветер. Ветер перешел в шторм и сломал лед. Судно понеслось среди льдин на северо-восток. Волны бросали корабль, как кусок дерева. Опасность была смертельная.

За пятнадцать часов судно отнесло на сорок километров.

Потом ветер стих. А еще немного погода ветер подул с севера, и судно стало приближаться к берегу.

9 сентября пришли на мелкое место. Но до берега, как потом выяснилось, оставалось еще около четырнадцати километров.

Опасаясь, как бы не попасть на мель, бросили якорь.

На корабле не было больше лодок, и, казалось, не было возможности добраться до берега.

Однако выход был найден: запасный парус натянули на обрuchi, снятые с бочек, и сделали лодку.

Лодка благополучно добралась до берега. Оказалось, что судно стоит против устья восточного рукава Индигирки.

Подъезжая к берегу, увидали людей: они махали руками и радостно кричали.

Это были штурман Щербинин и матросы, посланные раньше на разведку.

На корабле уже не надеялись увидеть их живыми.

Они и в самом деле были на краю гибели. Лодки их были разбиты, а захваченная с собой провизия погибла в воде. Море выбросило их на берег, и чтобы не умереть с голоду, они ели песцов и какие-то травы. Им помог счастливый случай.

Еще будучи в Якутске, Лаптев отправил геодезиста Киндякова описывать реку Индигирку и часть побережья около ее устья.

31 августа Киндяков был на взморье. Здесь он встретил Щербинина и матросов, посланных на берег с бота «Иркутск». Киндяков снабдил их провизией и посоветовал дожидаться на берегу прихода их судна.

— Надобно полагать, что бот далече пройти не сможет. И ежели он уцелеет, то будет искать пристанища в устье реки. Может статься, надо будет сигнал подать и помочь найти вход в Индигирку, — сказал Киндяков Щербинину.

Не особенно далеко от того места, где Киндяков встретил Щербинина, находился небольшой русский поселок. Киндяков поехал туда за людьми и нартами. Он был уверен, что нужна будет помощь лейтенанту Лаптеву и его команде.

Щербинин вернулся на судно вместе с людьми, которых Лаптев посылал на берег для разведки.

Но ввести бот в устье Индигирки не удалось: лед сомкнулся вокруг судна. Лаптев решил высадить команду на берег и выгрузить продукты.

Пришлось идти четырнадцать километров до берега по неровному льду и тащить на себе груз. Две недели перетаскивала команда груз с корабля.

Но Лаптев не упускал из виду основную цель экспедиции. Едва команда перебралась на берег, он послал матроса Алексея Ложкина производить опись побережья.

Когда геодезист Киндяков возобновил свою работу по описанию рукавов Индигирки, штурман Щербинин принял в ней участие.

На собаках, которые доставил Киндяков, постепенно перевезли команду и грузы в русский поселок. В конце сентября большая часть команды уже разместилась в избах. Избы были дымные и темные. Но после тяжелого плавания во льдах Лаптев и его команда, греясь у печки, чувствовали себя так, как будто попали в самый лучший и удобный дом.

Немного отдохнув, Лаптев написал два рапорта — капитан-командору Берингу и адмиралтейств-коллегии. Лаптев составил отчет о своем плавании. Он сообщал, что удалось описать рукава Индигирки, которые оказались очень мелкими.

«Берег самый отмельный и погибельный. Нигде судна и малого близко не подпускает», сообщал Лаптев Берингу.

Составляя рапорт адмиралтейств-коллегии, Лаптев вспомнил, как в Петербурге ссылались на плавания казаков по Ледовитому океану.

Он не удержался от возражения.

«Суда по Северному морю от Лены подле берегов выходили, то правда. Но хотя бы одно из них имело счастливое возвращение или пришло в желаемый путь, тому по видимым обстоятельствам статься не можно: и по берегу у реки Яны и у реки Индигирки, от устья к востоку и к западу, суда, выброшенные из моря с давних лет, и якоря и снасти и поныне есть, что видели высланные от бота служители. И следует, что они пропадали», писал Лаптев.

Тем не менее Лаптев уведомлял коллегия, что летом 1740 года постарается пройти морем возможно дальше на восток.

Лаптев отправил свой рапорт адмиралтейств-коллегии с матросом Алексеем Ложкиным. Это был надежный человек, который мог и сам обстоятельно рассказать в Петербурге о том, в каких условиях работает экспедиция.

Адмиралтейств-коллегия, получив рапорт Лаптева, предложила ему действовать «по наилучшему его рассуждению». Коллегия выразила пожелание, чтобы Лаптев обогнул Чукотский нос морем, но она разрешила описать берег по суше, если льды не пропустят бот.

Матрос Ложкин должен был доставить Лаптеву ответ адмиралтейств-коллегии. Однако пережитые опасности и лишения, должно быть, подорвали душевное здоровье этого матроса: на обратном пути он сошел с ума. Лейтенант Лаптев, видимо, особенно доверял Алексею Ложкину, не раз поручая ему трудные дела. Но ни о нем, ни о других матросах, самоотверженно выполнявших свой долг, до нас не дошло почти никаких известий.

Постановление коллегии Лаптев получил только осенью 1740 года. Он не стал дожидаться, пока придет ответ на его рапорт.

В июне 1740 года команда бота «Иркутск» вместе с людьми, которых прислали из Нижне-Колымска, начала прорубать во льду канал, чтобы вывести судно на воду. Через три недели упорного труда удалось освободить «Иркутск».

Впоследствии Лаптев так описывал эту работу:

«Усмотрено, что от берега лед верст на двенадцать покрылся водой, и то почитается «заберега». И тот морской лед от воды отделился, и бот был в том морском льду, от которого до оной забереги четыреста сажен сухого льда. И стали делать льдом канал до забереги».

Это была тяжелая работа.

Люди в меховых одеждах долбили толстый лед железными ломками. Дул ветер, и снежная пыль залепляла глаза. Если пригревало солнце, то потом пропотевшая одежда замерзала, делалась твердой, как дерево, и натирала кожу. Руки коченели. Но надо было упорно, изо дня в день, ломать лед.

Лаптев, обросший бородой, в меховой обуви, унтах, и в якутской верхней одежде, сшитой из оленьих шкур, все время находился на месте работ. Его голубой лейтенантский мундир еще во время зимовки в дымных избах совсем потемнел, а блестящие галуны потускнели.

На Лаптеве лежала ответственность за спасение судна. И напряжением своей воли он поддерживал команду, то приказывая, то ободряя людей.

Наконец вырубили канал в четыреста сажен длиной. Судно вывели на воду, покрывавшую прибрежный лед.

Тут неожиданно случилась беда.

Прибрежный лед подломился, и судно оказалось на мели. Чтобы спасти бот, надо было его разгрузить и снять мачты.

Две недели пришлось работать в ледяной воде «с великою нуждою».

Команда начала роптать.

— И многие оскорбления и беспокойства нам нанесены были, — вспоминал впоследствии Лаптев.

Наконец бот сошел с мели.

Как-то раз, стоя на берегу, Лаптев увидел, что собака гонится за горностаем. Маленький зверек бежал быстро, но собака догоняла его большими прыжками. Казалось, еще мгновение — и его кости захрустят в собачьей пасти. Вдруг горностаю обернулся, изогнул спину, прыгнул навстречу собаке и острыми коготками царапнул ей нос. От боли и неожиданности собака взвизгнула, поджала хвост и побежала прочь. А когда, опомнившись, она снова бросилась за зверьком, горностаю исчез между камнями.

Этот маленький храбрый зверек не раз вспоминался потом Лаптеву в трудные минуты.

И ему удалось сохранить судно, хотя гибель казалась неизбежной. Бот «Иркутск» снова был готов к плаванию.

31 июля, пользуясь попутным ветром, пошли на восток. Несколько дней плыли благополучно. 4 августа дошли до устья Колымы. Вскоре после того опять появились большие льдины. Дальше было сплошное ледяное поле.

«И проходя те густые льды, часто ботом об оные стучались, и в страхе были, что проломит от тех ударов. Но нужда была нам из них выходить», записал Лаптев.

С большим трудом удалось пройти еще около двадцати пяти миль на восток от устья Колымы. Наконец около каменного мыса, известного под именем Большой Бараний Камень, сплошной лед преградил путь судну.

— Ни на один вершок воды между льдом и берегом не было видно, — вспоминал потом Лаптев.

Лаптев решил повернуть назад. Судно дошло до реки Колымы и вошло в ее устье.

Команда бота «Иркутск» зазимовала в Нижнеколымском остроге, построенном недалеко от Ледовитого океана. Как и в других северных сибирских острогах, в нем было всего несколько десятков изб.

В Нижне-Колымске жили сибирские казаки.

Это были сильные, крепкие люди, привыкшие к далеким и трудным поездкам. Им приходилось месяцами ездить по тундре и рекам, отыскивая якутов, эвенков, юкагиров, чтобы обложить их ясаком. При этом казаки не забывали и себя: выменивали на мелкие товары меха или отбирали их силой.

— Для своей бездельной корысти, — поясняли воеводы, говоря об этих поборах.

Ездить по пустынной тундре и плыть вдоль неведомых берегов Ледовитого океана было нелегко.

— Холод и голод терпели, нужду и бедность принимали, и всякую скверность ели, и душу свою оскверняли, — не раз жаловались казаки.

Но они не боялись лишений и хорошо знали суровый Колымский край.

И Лаптев понял, что без их помощи трудно довести экспедицию до конца.

Среди казаков почти не было таких, которые знали бы хорошо какое-нибудь одно мастерство. Но зато почти каждый мог сделать все, что ему было нужно. Все умели построить зимовье, починить лодку, сделать нарты и лыжи. Каждый знал, как поставить верши для ловли рыбы, западни для зверя, силки для птицы. Каждый умел править упряжкой собак, ездить на оленях, управлять лодкой, окруженной льдами.

Они жили в своих избах, ловили рыбу в Колыме, промыш-

ляли тюленей и моржей в Ледовитом океане и все же говорили о себе:

— Мы люди служилые.

Они действительно числились на службе.

Якутский воевода присылал каждый год в Нижнеколымский острог муку и соль. Управитель острога выдавал им жалованье этими припасами.

За это жалованье они обязаны были собирать ясак, нести сторожевую службу, выполнять приказы управителя.

В длинные зимние вечера Лаптев не раз заходил к управителю Нижнеколымского острога.

Управитель был богатый казак, назначенный на эту должность якутским воеводой.

Он знал каждого нижнеколымского жителя и мог многое о них рассказать. Одним случалось сотни верст блуждать зимой по снежной пустыне, сбившись с пути. Другим приходилось несколько дней лежать с собаками в снегу, выжидая, пока утихнет метель. Третьи ездили на Чукотский нос и воевали с немирными чукчами.

Лаптев слушал внимательно и старался запомнить имена.

«Ежели понадобится, потребую от управителя дать мне бывалых людей», решил Лаптев.

Лаптев спрашивал, кто из нижнеколымских казаков больше других промышляет на Ледовитом океане тюленей и моржей. Управитель называл людей, привыкших к морю и не боявшихся опасностей.

Оставшись зимовать в Нижне-Колымске, Лаптев старался не терять напрасно время.

Осенью он отправил геодезиста Киндякова описывать верхнюю часть русла Колымы.

Он старался собрать как можно больше сведений, которые могли пригодиться для продолжения экспедиции.

«Будущим летом пораньше выйду в море, дабы совершить плавание назначенным нам путем. Но ежели опять льды не пропустят, доведется вернуться в Нижне-Колымск. Тогда перевезу команду сушей в Анадырский острог. А оттуда пойду на судне вдоль Чукотской земли на север. Попытаем обойти Чукотский нос и притти к Колыме с востока. Надо бы теперь же доподлинно узнать, каков путь до Анадырска, сколько потребуется нарт для команды, можно ли перевезти в Анадырск тяжелые грузы», думал Лаптев.

Лаптев решил отправить зимой в Анадырский острог штур-

мана Щербинина, для того чтобы получить все нужные сведения.

Управитель острога дал собак и нарты. Несколько бывалых нижеколымских казаков получили приказ ехать с штурманом.

Щербинин должен был проехать сотни километров по пустынному, занесенному снегом краю. В пути приходилось ночевать и под открытым небом и в юртах якутов, эвенков, юкагиров. Щербинин благополучно доехал до Анадырского острога и к весне вернулся в Нижне-Колымск.

Команда, зимовавшая в Нижне-Колымске, не оставалась без дела. Матросы построили две большие лодки. Лодки были очень нужны для будущего плавания. Их можно было посылать вперед на разведку пути, они могли приставать к берегу.

Летом 1741 года Лаптев снова вышел в плавание. На этот раз бот сопровождали построенные зимой лодки, на которых гребцами были нижеколымские казаки. Команду над лодками Лаптев поручил штурману Щербинину.

29 июля Лаптев пришел к Большому Бараньему Камню. Сильный противный ветер гнал лед навстречу судну и заставил его отойти немного назад.

Через несколько дней Лаптев попытался снова пройти вперед. 14 августа судно подошло к Большому Бараньему Камню. Лодки под командой штурмана Щербинина были посланы вперед, чтобы разведать путь.

Лед стал смыкаться вокруг бота. Лодки были отрезаны от корабля и чуть не погибли. В опасном положении оказался и бот «Иркутск».

— Ежели б в таких худых местах сделался ветер крепкой, то нечего бы и надеяться, чтобы сохранить бот в целости, — рассказывал потом Лаптев.

6 августа Лаптев созвал консилиум. На консилиуме решили:

«Возвратиться в реку Колыму и впредь в оное море ботом не выходить».

«Иркутск» благополучно вернулся в Нижне-Колымск.

Ближайший помощник Лаптева штурман Щербинин тяжело заболел.

Лаптев отправил штурмана в Якутск. Однако и в Якутске Щербинин не поправился. Болезнь оказалась смертельной.

Теперь надо было решить, как быть дальше. Обследовать

На собаках. (С гравюры XVIII века.)

побережье, идя по берегу Ледовитого океана, населенному немирными чукчами, от Колымы к Чукотскому носу, было в то время опасно.

Лаптев решил отправиться в Анадырск тем путем, который в прошлом году разведаль штурман Щербинин.

Еще раньше адмиралтейств-коллегия указывала Лаптеву, что он может, прибыв в Анадырск, затребовать от капитан-командора Беринга один из его кораблей. На этом корабле Лаптев мог обогнуть Чукотский нос с востока и, идя на запад, дойти до Колымы.

В октябре 1741 года Лаптев отправился с командой в Анадырск на сорока пяти нартах. С собой взяли необходимые припасы и пушки, снятые с бота «Иркутск». Немирные чукчи могли встретиться и на этом пути.

Дорога была тяжелая: ночевали в снегах, страдали от морозов и метелей. В середине ноября Лаптев и его команда добрались до Анадырска.

В Анадырском остроге, обнесенном высокой деревянной оградой с башнями, было в то время пятьдесят изб. Здесь жили казаки, собиравшие ясак с коряков и юкагиров и не раз ходившие в походы на чукчей.

Дмитрий Лаптев и его команда перезимовали в Анадырске.

Когда Лаптев выехал из Нижне-Колымска в Анадырский острог, он думал, что Беринг на Камчатке. Там же должны были находиться корабли, которые построил Беринг.

Во время первой экспедиции Беринга, в 1728 году, его корабль шел от побережья Камчатки до устья Анадыря меньше месяца. Лаптев надеялся, что и теперь судно, которое пошлет ему Беринг в начале лета 1742 года, придет в устье Анадыря еще в июле. Тогда можно было бы в то же лето обогнуть Чукотскую землю и дойти до Колымы с востока.

Но Беринг в июне 1741 года вышел в плавание к берегам Америки. В этой экспедиции принимали участие два корабля: пакетбот «Петр», которым командовал сам Беринг, и пакетбот «Павел», шедший под командой капитана Чирикова. Беринг надеялся дойти до Америки в две-три недели. Однако он ошибся.

Шесть недель шли корабли по Тихому океану, прежде чем показалась земля. Это было южное побережье полуострова Аляски, где в то время еще не бывали европейцы.

Беринг не мог долго здесь оставаться: у него не было провианта для зимовки. Надо было вернуться на Камчатку до наступления зимы. И, налив бочки пресной водой, Беринг немедленно пошел в обратный путь. Но противные ветры и бури задержали судно. Шторм порвал паруса. Среди команды началась цынга.

С трудом удалось высадиться на безлюдном острове, не дойдя до Камчатки.

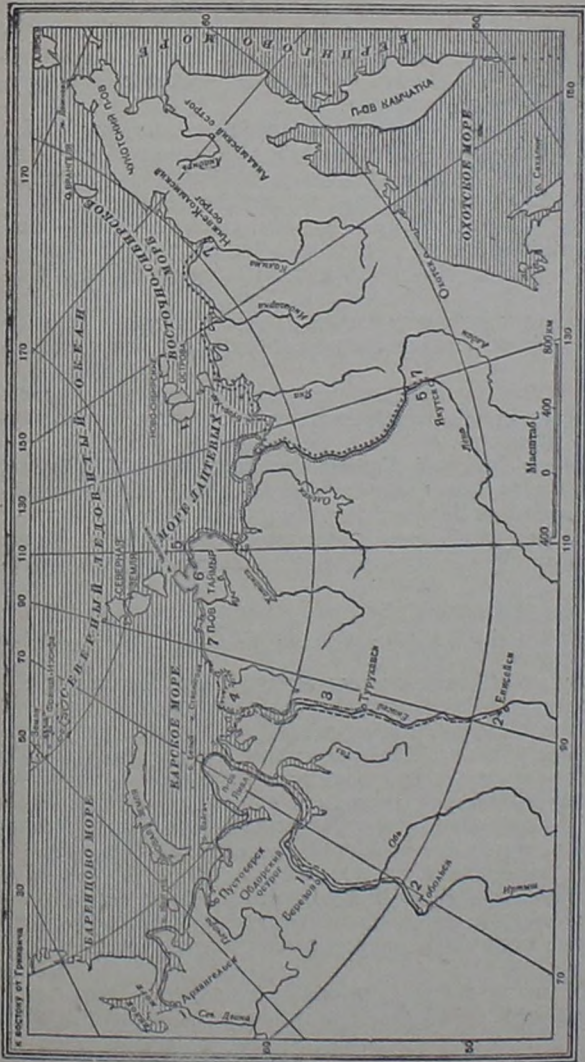
В то время, когда Лаптев размещал свою команду в Анадырском остроге, спутники Беринга делали себе землянки для зимовки и покрывали их шкурами песцов.

Вскоре Беринг умер от цынги. Волны выбросили на камни его судно, стоявшее на якоре недалеко от берега. Для дальнейшего плавания оно больше не годилось.

Капитан Чириков, потерявший судно Беринга из виду во время шторма, дошел до Америки и сумел вернуться на Камчатку. Его судно было сильно потрепано бурями, а большая часть команды больна цынгой.

Перезимовав на Камчатке, Чириков вышел на поиски капитана Беринга и его команды. Но найти их ему не удалось.

Только в августе 1742 года спутники Беринга добрались до Камчатки, построив маленькое судно из обломков своего

1—1. Экспедиция Муравьева и Павлова (1734—1735 гг.), Малыгина и Скуратова (1736—1737 гг.), 2—2. Экспедиция Овчина (1734—1738 гг.). 3. Экспедиция Стерлгова и Минина (1738—1740 гг.). 4. Путь Стерлгова сушей для описания берегов (1740 г.). 5. Экспедиция Прончищева и Челюскина (1735—1737 гг.) и Харитона Лаптева (1739—1741 гг.). 6. Путь Челюскина сушей для описания берегов (1742 г.). 7. Путь Харитона Лаптева и Челюскина для описания берегов (1741 г.). 7—7. Экспедиция Ласпиуса (1735 г.) и Дмитрия Лаптева (1736—1737 гг. и 1739—1741 гг.).

корабля. До их возвращения никто не знал о судьбе Беринга.

Весной 1742 года, когда Лаптев, перезимовав в Анадырском остроге, еще надеялся, что получит судно с Камчатки, Беринга уже не было в живых.

В ожидании судна Лаптев не сидел сложа руки. Его команда с помощью анадырских казаков построила две большие лодки. Летом Лаптев на этих лодках совершил плавание по реке Анадырю и обследовал ее нижнее течение.

В 1742 году все отряды экспедиции, посланные для обследования северо-восточного морского пути, уже закончили свою работу. Только Дмитрий Лаптев находился еще на Анадыре.

Адмиралтейств-коллегия не стала настаивать на продолжении экспедиции. Лаптев получил предписание вернуться в столицу.

Дмитрию Лаптеву не пришлось довести до конца свою экспедицию, но своей настойчивостью и смелостью он заслужил общее уважение.

В Петербург Дмитрий Лаптев приехал в конце 1743 года.

Он прослужил еще долго во флоте и умер вице-адмиралом. Но плавать по Ледовитому океану ему уже больше не пришлось. Адмиралтейств-коллегия почти на двадцать пять лет отказалась от новых попыток исследовать северный морской путь.

Никто из участников Великой северной экспедиции не смог приложить к делу свой опыт, приобретенный в плавании среди льдов.

В сентябре 1743 года на имя императрицы Елизаветы поступил всеподданнейший доклад правительствующего сената. Сенаторы докладывали, что за десять лет на экспедицию затрачено более 360 тысяч рублей золотом. Они писали, что иркутская провинция и Камчатка разоряются «от дальних в ту экспедицию провозов провианта и всяких материалов и припасов и взятиев из крестьян в такие отдаленные места многих работников». На этом основании они предлагали: «Ту экспедицию надлежит вовсе отставить».

Императрица наложила резолюцию: «Быть по сему».

Так закончилась одна из наиболее значительных экспедиций, которые когда-либо снаряжались для изучения нашей страны.

Сенат в своем докладе назвал экспедицию бесплодной, потому что она не дала таких результатов, которыми можно

было бы воспользоваться немедленно. А между тем ее участники вписали одну из самых славных страниц в историю русской науки и мореплавания.

Около десяти лет провели участники экспедиции в тяжелой борьбе со льдами. На пустынных берегах Ледовитого океана они оставили немало могил. Но почти весь неведомый ранее северо-восточный морской путь был ими описан, насколько это позволяли сделать те несовершенные инструменты, которыми они располагали. Только участок от Большого Бараньего Камня до Берингова пролива остался непройденным да часть побережья Таймырского полуострова была обследована лишь с суши. Впервые были составлены скольконибудь достоверные карты неизвестных ранее берегов. Беринг и Чириков дошли до Северной Америки и по пути открыли Алеутские острова.

До снаряжения экспедиции имелись лишь смутные представления о севере Сибири и о народах, которые здесь кочуют. Сам правительствующий сенат не знал, до каких пределов простираются там населенные места.

Изучение народов Сибири не входило в задачи моряков, плававших по Ледовитому океану. Эту работу выполняли академики, совершившие вместе с Берингом путешествие через всю Сибирь. Тем не менее морские офицеры в своих рапортах дали много сообщений о ненцах, эвенках, якутах и других кочующих народах. Особенно много таких наблюдений в рапортах Харитона Лаптева, который с большим интересом присматривался к жизни сибирских охотничьих племен. Важны не только те новые сведения, которые дала Великая северная экспедиция. Командиры и команды кораблей показали, какое мужество, упорство, выносливость и умение могут проявить русские военные моряки.

Все командиры кораблей, прокладывавших путь по Ледовитому океану, были лейтенантами Балтийского флота. Русский военный флот существовал тогда всего только тридцать лет. Строя корабли для Балтийского флота, Петр Первый вынужден был выписывать морских офицеров из-за границы. В первое время русскими военными кораблями командовали почти исключительно иностранцы. Лейтенанты Малыгин, Овцын, Прончищев, Лаптевы и штурман Челюскин принадлежали к первому поколению русских моряков, получивших образование в русской Морской академии.

Им пришлось решать в высшей степени трудную задачу:

маленькие деревянные боты и дубель-шлюпки были совершенно не приспособлены для плавания по Ледовитому океану. Тяжелые льды, через которые с такой настойчивостью пробирались эти корабли, могли в любой день раздавить их, как скорлупку. Не случайно в рапортах лейтенантов часто встречаются слова: «находились в крайней гибели». И все же из года в год, едва взламывался лед, корабли, становившиеся на зимовку в устьях сибирских рек, выходили в море, «не теряя нимало времени». Зимой моряки страдали от «великой стужи» и «чрезвычайных метелей», болели цынгой. Они возобновляли плавание с подорванными силами, но не покидали палубу, пока были в состоянии держаться на ногах. Плавание в таких условиях было героическим подвигом. Люди, совершавшие этот подвиг ради изучения пути вдоль берегов своей страны, были настоящими патриотами, хотя это не сознавали ни их современники, ни, может быть, они сами.

Вернувшись в Петербург после нескольких лет, проведенных в непосильных трудах и лишениях, они не получили никакой награды.

Современники не оставили никаких воспоминаний о них. Не сохранились ни их письма к родным, ни их портреты, за исключением одного портрета Д. Л. Овцына, повидимому сделанного случайно. Мы почти ничего не знаем о том, как сложилась их жизнь после экспедиции. Только сухие короткие записи в послужных списках говорят об их продвижении по службе.

Такие сведения настолько однообразны и бедны, что почти не дают представления о жизненном пути этих людей. А они сами не заботились о том, чтобы сохранилась память о их доблести. В своих корабельных журналах и рапортах они нередко лишь одной строчкой отмечали пережитое за несколько дней, и приходится ограничиваться этими скудными сведениями, рассказывая о них и об их делах.

Освоение северного морского пути, которое они начали, было успешно завершено только в наши дни.

В 1932 году советский ледокол «Сибиряков» впервые в истории мореплавания прошел в одну навигацию от Архангельска до Берингова пролива и вышел в Тихий океан. Через два года ледорез «Литке» прошел в одну навигацию этот путь в обратном направлении — от Владивостока до Архангельска. С тех пор советские корабли стали доставлять грузы в самые отдаленные места побережья Ледовитого океана.

Великая отечественная война поставила перед нашим морским флотом новые грандиозные задачи. И новый смысл получило дело, начатое двести с лишним лет тому назад лейтенантами Малыгиным, Овцыным, Лаптевыми и их товарищами. Великий морской путь, который они изучали, целиком проходит вдоль побережья, почти на всем своем протяжении совершенно недоступного противнику.

Этот путь ведет от берегов Белого моря к Берингову проливу и, следовательно, к берегам Северной Америки. Он дает возможность поддерживать связь не только между такими отдаленными друг от друга портами, как Архангельск и Владивосток, но и с Соединенными штатами Америки. А такая связь приобрела большое значение для обороны нашей родины.

История науки и мореплавания знает много случаев, когда люди, прокладывая новые пути, сами не предвидели практических последствий своих открытий. Однако от этого не становится меньше великая польза, которую они принесли.

Скромные лейтенанты Балтийского флота, мужественно пробывавшиеся на восток вдоль безлюдных берегов, не могли предвидеть, какое значение приобретет со временем их дело. Но мы не можем забыть их имена.

На морском пути вдоль берегов Ледовитого океана многое напоминает об участниках Великой северной экспедиции. Пролив между полуостровом Ямал и островом Белым называется именем Малыгина. Мелкие острова у западного побережья Таймырского полуострова названы именем штурмана Минина, а расположенный невдалеке от них мыс носит имя штурмана Стерлегова. Самая северная точка побережья названа именем Челюскина.

Когда знаменитый путешественник Руал Амундсен в 1918/19 году зимовал на Таймырском полуострове, он назвал один из описанных им мысов именем лейтенанта Овцына. В бухту Марии Прончищевой заходят ледоколы и пароходы, идущие морем Лаптевых.

Мировую известность получили советские ледоколы «Малыгин» и «Челюскин».

Каждый школьник встречает на географической карте имена многих участников Великой северной экспедиции. И это вполне понятно: лейтенанты Малыгин, Овцын, Лаптевы, Прончищев, штурман Челюскин и их спутники были первыми разведчиками великого морского пути.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ СЛОВ

- Аки — как.
Буде — если.
Вояж — путешествие.
Втуне — напрасно, тщетно.
Вящий — большой.
Гость — купец.
Дабы — чтобы.
Довольное число — достаточное количество.
Довольствоваться — питаться.
Дражайший — самый дорогой.
Зело — очень.
Знатное дело — известное дело.
Зрятся — видны.
Испоместить — пожаловать поместье.
Мнить — думать.
Набродные — набредшие, пришлые.
Нерегулярные слова — неполагающиеся. аенадлежащие слова.
Ниже — даже.
Оберштер-кригс-комиссар флота — заведующий всем снабжением флота.
Онй — тот.
Отмельй — обмелевший, обильный отмелями.
Отстойное — удобное для стоянки.
Повеже — потому что.
Паче — больше.
Подлекарь — фельдшер.
Породный — родовитый, знатный.
Приярый — крутой.
Промемория — деловая бумага, посылавшаяся для сведения (буквально: для памяти).
Ревновать — стараться.
Ровдуга — оленья шкура, лишенная шерсти.
Рудознатец — специалист по отысканию руды, геолог-разведчик.
Сей — этот.
Сумнительство — сомнение.
Токмо — только.
Чаять — надеяться.
Штраф — наказание.
Яже — которые.
Яко — как.
Ясак — налог, взимаемый мехами.

Цена 3 руб.